

НОВАЯ ПОЛЬША 4/2012

Содержание

1. В ПОЛЬШЕ БЫТЬ СМЕЛЫМ ЛЕГЧЕ
2. К ТРИДЦАТИЛЕТИЮ «КАРТЫ»
3. КОЛЫМСКИЕ ДНЕВНИКИ
4. КОЛЫМА
5. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
6. РОТ: НОВЫЙ ЗАВЕТ
7. ПОЛЬСКО-НЕМЕЦКИЙ МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ
8. БЕРЛИНСКАЯ РЕСПУБЛИКА И НАСТОЯЩИЙ КОНЕЦ ПОСЛЕВОЕННОЙ ЭПОХИ
9. «ROMERANIA NOSTRA» — ПОЛЬСКИМ ДНЯМ КУЛЬТУРЫ
10. В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО
11. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
12. ПОЛЯК ПЕТР МИЛЕВСКИЙ И ПОЛЬСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ
13. ЦАРСТВО ПОДЗЕМЕЛИЙ
14. ПОЛЬСКИЙ ДВУХТОМНИК О ТАРТУСКО-МОСКОВСКОЙ ШКОЛЕ СЕМИОТИКИ
15. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
16. «ОСКАР», ТО ЕСТЬ СВОБОДА

В ПОЛЬШЕ БЫТЬ СМЕЛЫМ ЛЕГЧЕ

— *Ощущаете ли вы себя историком?*

— Нет, историком я по-прежнему себя не ощущаю. По образованию я инженер, а по профессиональному призванию — редактор. Меня часто принимают за историка, однако я считаю это недоразумением. Правда, работая редактором, я приобрел немалые исторические знания, но это нельзя назвать «прочным» академическим фундаментом. Я использую историю, я работаю с ней — со свидетелями новейшей истории. Эти люди, чтобы они могли возвращаться вместе с нами к своему прошлому, должны иметь в центре «Карта» партнера, и без нашего профессионального участия это было бы невозможно. Те знания, о которых мы говорим, вовсе не следует связывать с профессией историка, этого не требуется.

Иногда за выполнение исторического долга берутся вследствие того, что было пережито нечто важное или есть ощущение, что важные темы не затрагиваются в общественной жизни. «Карта» была создана в январе 1982 г. как независимое периодическое издание, чтобы реагировать на зло, которым стало введение в Польше военного положения. Это был листок, страница, с обеих сторон которой печатался текст — протест против того, что сотворили с нами коммунисты. Этот листок должен был помогать обществу в скором и неизбежном, как нам тогда казалось, свержении коммунизма. Мы были убеждены, что эта варварская атака на широко развернувшуюся «Солидарность» не может закончиться успехом коммунистов. Позднее, после «усмирения» общества, мы преобразовали «Карту» в издаваемый в подполье альманах (толстый журнал), в котором рассказывалось о судьбах людей и об их отношении к разным диктатурам.

Мы уже тогда стали помещать в нашем издании сообщения из Советского Союза, считая, что опыт людей, которых там подвергали давлению, будет ценен для понимания нашего коммунизма, все более и более приобретающего советский формат.

В 1987 г. мы положили начало более широкой, в общепольском масштабе, деятельности — документированию судеб граждан Второй Речи Посполитой, подвергшихся репрессиям в

Советском Союзе после 17 сентября 1939 года. Мы организовали Восточный архив, ставший общественным движением, которое действовало в течение полутора лет подпольно. Мы записывали рассказы поляков, которые подверглись преследованиям и были готовы об этом говорить.

— *Примерно в это же время в Советском Союзе появился «Мемориал», ваше alter ego.*

— Наши организации создавались в одно и то же время, нас потом объединяли общие устремления и цели. И в том и в другом случае подобного рода активность возникла из ощущения, что мы обязаны выполнить свой долг перед поколениями, которые попали в самые страшные жернова советской системы.

Когда в 1989 г. произошло изменение государственного строя и наша деятельность стала легальной, «Карта» превратилась в исторический журнал, посвященный Польше и Центрально-Восточной Европе в XX веке. На основе Восточного архива возникла неправительственная организация, которая силами представителей общественности стала заниматься документированием прошлого. Центр «Карта» объединил обе сферы нашей активности — издательскую и документационную.

Тогда же мы вышли на «Мемориал». Петр Мицнер на рубеже 80-х — 90-х годов ездил в Россию в связи со своей театральной работой и познакомился с мемориальцами. Петр стал главным инициатором сотрудничества. Он рассказывал о них, говорил, что собой представляют эти удивительные демократы, абсолютно лишенные имперских замашек, люди, благодаря которым между нами возможен исторический диалог. Они оказались нашими естественными союзниками.

Деятели «Мемориала», с которыми мы познакомились, как оказалось, настолько были заинтересованы тем, что происходит в Польше, что появилась возможность подумать о совместной «Неделе совести». В апреле 1992 г. в Варшаве встретились поляки — жертвы советского режима и российские исследователи этого режима. Тогда в Варшаву приехало более пятидесяти мемориальцев. Так началось наше сотрудничество. Оказалось, что с русскими можно разговаривать не как с представителями системы, которым надлежит искупить свою вину, но как с братьями, которые склоняют голову перед общими жертвами тоталитаризма.

Это был невероятно важный диалог, вызывавший энтузиазм с обеих сторон, причем диалог весьма практический. Мемориальцы помогали полякам добывать информацию о прошлом — их или их близких — в Советском Союзе. Потом мы наблюдали, как открывалось закрытое государство, в котором, казалось, информация совершенно недоступна. Лавиной шла переписка. В результате такого сотрудничества значительно расширился «Указатель репрессированных». На сегодняшний день в этой базе данных насчитывается около миллиона биографий. В большинстве своем они создавались благодаря поддержке «Мемориала», который получал доступ к архивам советского времени. Этот великий процесс позволяет тысячам семей восстановить свою историю, узнать о судьбе близких, проследить сложные биографии.

— Каким образом удалось убедить свидетелей истории заговорить, рассказать о самых трагических моментах своей жизни, преодолеть страх?

— В самом начале, еще в тот период, когда мы действовали в подполье, это было делом очень трудным, и мы часто проигрывали. Они боялись последствий, просили оставить их в покое, не хотели подставлять себя под очередной удар коммунистической системы. Мы убеждали, что для человека нет ничего хуже, чем лишиться его прошлого, и с этим нельзя соглашаться. Мы уговаривали их преодолеть себя, сбросить маску и благодаря этому обрести свое настоящее лицо.

Поворотным пунктом оказалось появление на рубеже 1988–1989 гг. «Союза сибиряков». Люди стали относиться к нам с бóльшим доверием, начали рассказывать о том, что им пришлось пережить. После того как мы задали членам «Союза» вопрос, готовы ли они предоставить нам свои сообщения, к нам поступило около тысячи заявок. Тогда уже масштаб акции превысил наши возможности.

— В марте 1985 г. за свою деятельность вы оказались в тюрьме, где провели более полугода. Как этот период повлиял на вашу миссию в дальнейшем?

— Мотивировок к тому, чтобы противостоять режиму у меня уже было достаточно много, тюрьма не стала дополнительным стимулом. Выйдя на свободу, я вернулся к работе над подпольной «Картой», а через некоторое время мы организовали Восточный архив. В тюрьме на Раковецкой улице в Варшаве я понял, что нахожусь в таком месте, которое имеет особое значение для судеб людей, становившихся жертвами очередных волн коммунистических репрессий. Я почувствовал,

что важно запечатлеть, как тут всё выглядело в предыдущие десятилетия, что тут было до меня, какие заключенные здесь сидели. И это стало для меня важным импульсом, чтобы заняться прошлым.

— *Хотя вы и не считаете себя историком, но получается, что скорее история занялась вами, чем наоборот.*

— История занялась мной, как любимым тогдашним гражданином ПНР. Она нанесла болезненный удар, особенно чувствительный в связи с введением военного положения. «Карта» стала формой отказа повиноваться системе, сигналом того, что мы не будем ей служить. Благодаря «Карте» я также стал потом ощущать ритм прошлого и одновременно нашу связь с минувшим.

Я не выбирал историю сознательно. Хотя после тюрьмы я понял, что мы имеем дело с ампутацией весьма важного для нашего коллективного сознания сегмента и что с этим дефектом надо что-то делать. Осознав это, начинаешь понимать, что уже невозможно с пренебрежением относиться к своей собственной ответственности. Это пришло как внутреннее осознание взятой на себя миссии, ее необходимости, что и по сей день довольно сложно объяснить. Вдобавок школа меня настолько отвратила от истории в особенности, да и вообще от гуманитарных предметов, что я выбрал для изучения в вузе техническое направление.

Неожиданно важным оказалось то, что пережил мой отец, узник четырех гитлеровских лагерей, он умер в январе 1986 года, через четыре месяца после того, как я вышел на свободу. Когда его не стало, я понял, что почти ничего о нем не знаю, что хотя в предшествующие годы он хотел рассказать о пережитом, но я не был тогда готов его выслушать. Несмотря на то что я был редактором, я не помог записать его воспоминания, а сам он не занялся этим. Так возник импульс записывать истории других людей.

Смерть отца заставила меня осознать это явление общей исторической, ментальной амнезии. Ответственность редактора уже не позволила мне позднее покинуть пространство возвращающейся памяти.

Я должен был выйти из тени коммунизма, подобно тому, как это сделали члены «Мемориала». На протяжении многих лет мы работаем вместе, пытаемся освободить мир от лжи. «Наши русские», рассказывая о своей миссии, говорили, что

они находятся у подножия огромной горы, на вершину которой им никогда не подняться; в этом их Сизифов труд.

— *«Карта» покорила вершину своей горы?*

— У нас вершина ближе, но до окончательного ее покорения еще далеко. Наш самый большой успех — это по-прежнему то, что мы выжили, ибо множество раз мы были на грани банкротства. Поражений было много, рушились проекты, осуществление которых было необходимо. Мы хрупкая структура, у нас нет постоянного бюджета, как неправительственная организация мы добываем средства из всех доступных источников. Теперь благодаря обещанию министерства иностранных дел и ведомства культуры, мы можем выйти на финишную прямую. Если нам удастся получить постоянное финансирование, нам покорится некая часть этой горы, и мы не останемся у ее подножия, как в России.

Для того чтобы открывать историю, требуется смелость во всей Восточной Европе. Давать определение исторической действительности становится процессом трудным, когда мы затрагиваем самые болезненные вопросы, там, где на стыке событий между народами появлялась кровь. В Польше быть смелым легче, чем в России, поэтому мы не можем сравнивать себя с «Мемориалом», который идет против течения в сфере исторической политики России, часто встречаясь с огромным сопротивлением этой материи.

— Возможно ли опыт «Карты» привить на российской почве? Существует «Мемориал», но представляется, что по-прежнему это слишком мало для такой огромной страны.

— Мне хотелось бы, чтобы «Мемориал» стал в России столь же известен, как в Польше. Эта организация укоренена в польском общественном мнении, к ней относятся буквально как к представителям народа России, но, пожалуй, только у нас. «Карта» оказывает больше влияния на ход событий в Польше, чем «Мемориал» в России, где он идеологически существует отдельно от исторической политики государства.

Я не вижу необходимости создавать новые, похожие организации, но при нынешней политике российских властей нет особых шансов рассчитывать на то, что работа в этом направлении получит общероссийскую известность. Тем не менее сам факт, что есть «Мемориал», это для России — большое счастье, свет демократии в темном туннеле. Существование «Мемориала» свидетельствует, что возможно

преодоление границ исторического интереса, изменение отношений между нашими народами.

— По прошествии тридцати лет ощущаете ли вы, что задуманное вами осуществилось?

— Нас отделял всего лишь шаг от поражения, так что сложно говорить об осуществлении задуманного. Если бы «Карта» сейчас рухнула, у меня было бы ощущение, что кончина ее весьма и весьма преждевременна. Мы находимся на середине пути, у нас планы на много лет вперед, мы видим, что общество нуждается во многом, что связано с историей и что по-прежнему не получило еще своего воплощения. Нам бы хотелось, чтобы наша структура крепла, чтобы у нее имелись шансы еще на много лет вперед. В том числе и партнерские — польско-российские. Нам надо еще столько сделать!

Беседу вел Томаш Кулаковский

К ТРИДЦАТИЛЕТИЮ «КАРТЫ»

Анджей Фришке, историк:

Существование центра «Карта» — величайшее благо, не только потому, что Центр занимается документированием, но и с той точки зрения, что он осуществляет свою деятельность, не имея, собственно, никаких финансовых средств. Ведь те средства, которыми «Карта» располагала в последние годы, это — грубо говоря — милостыня. Центр никогда не имел постоянного бюджета или дотаций.

Значение «Карты» огромно. Этот центр ценят все историки, я никогда не встречался с критикой в адрес «Карты». (...)

Сегодня центр «Карта» находится в драматической ситуации. Денег нет ни на что. Трудности центра в большой мере проистекают из несовершенного польского законодательства, которое, собственно говоря, не дает возможности существовать инициативам подобного рода. Действующие у нас принципы получения государственного финансирования в значительной степени формализованы и носят весьма узкий характер. В целом они, разумеется, справедливы, ибо направлены на предотвращение коррупции, но для таких инициатив, как «Карта», они просто убийственны, ибо невозможно запланировать ее деятельность с той точностью, которой от нее требуют. Да и государство может финансировать не всё. В результате такая организация, как центр «Карта», не в состоянии справиться со всеми теми требованиями, которые к ней предъявляются.

Парадокс заключается в том, что центру «Карта» все дают положительную оценку, но несмотря на это он вечно бедствует и не получает того, что ему полагается. Без поддержки со стороны спонсоров «Карта» будет вынуждена ограничить свою деятельность или даже свернуть ее совсем.

11 февраля 2012

Анджей Пачковский, историк:

Неправительственным организациям в Польше очень нелегко функционировать. Меценатство частных лиц развито весьма слабо и сосредоточено либо на саморекламе, либо на благотворительной деятельности. Деятельность, связанная с

документированием, научная, просветительская, а также в области художественного творчества не попадает в сферу интересов польских миллионеров. Поэтому такие организации обречены на спонсорство государства. Но государство располагает собственными институтами подобного характера, а кроме того, государство не может быть хорошим спонсором, ибо в таком случае может быть исключена независимость.

Центр «Карта» не имеет постоянных дотаций, поэтому он сталкивается с проблемой поиска средств на текущую деятельность. В настоящее время без значительной, единовременной поддержки или же без организационных изменений будет сложно сохранить то, что остается для центра «Карта» самым важным. Если не найдутся соответствующие средства, центру придется частично ограничить свою деятельность или сдать свои позиции.

13 февраля 2012

Богдан Здроевский (министр культуры) на пресс-конференции:

Я в очередной раз оказался в ситуации, когда должен помочь центру «Карта», и делаю это с величайшим удовольствием, сознавая в то же время, что это лишь самая неотложная помощь. И что период этого безотлагательного вмешательства министра культуры должен иметь свои пределы: нам следует перейти к постоянной, гарантирующей стабильность деятельности «Карты». Я полон уважения в отношении всего того, что достигнуто центром «Карта», который начал свою деятельность в начале 1982 года.

Мое заявление о поддержке центра прозвучало несколько дней тому назад в непосредственной беседе со Збигневом Глузой. Я предоставляю помощь в сумме полумиллиона злотых, эти финансовые средства будут выделены из специального фонда Государственных архивов путем увеличения дотаций, предназначенных специально для этого учреждения. И благодаря этому мы избавимся от опасности, грозившей центру в 2012 году.

Кроме того важные проекты, рассматриваемые министром, также получают поддержку в виде средств, направляемых на издательскую деятельность. Мы попробуем решать проблему целенаправленно, в долгосрочном плане.

16 февраля 2012

Анджей Вайда в письме центру «Карта»:

Я просто счастлив, что «Карта» наконец дождалась того, что ей положено, а именно постоянного финансирования! И что нам уже не приходится опасаться за ее судьбу. Теперь мы знаем, что она по-прежнему будет с нами, будет нас сопровождать и прояснять сложные моменты как в нашей истории, так и в истории наших ближайших соседей.

18 февраля 2012

Александр Квасневский в письме «Карте»:

В основе заботы о том, чтобы сохранить формат неправительственной организации, которая отмежевывается от влияния современной политики, лежит глубокое доверие к вам со стороны людей, имеющих разные взгляды, объединенных уважением к истории, опирающейся на проверенные факты и оценки, в основе которых лежат общепринятые ценности и принципы научной работы. Во всём этом мне видится заслуженный повод для вашего удовлетворения, а для других — в том числе для меня — источник восхищения и признательности.

18 февраля 2012

КОЛЫМСКИЕ ДНЕВНИКИ

День VI

Ола. 30 километров к востоку от Магадана

Эту ночь я проведу... Даже не верится. У дочери Ежова. Того самого! Ежова Николая Ивановича, наркома внутренних дел, прозванного железным наркомом, главного комиссара советской госбезопасности, на совести которого сотни тысяч... какое там — миллионы человеческих жизней.

Представляете?! Он был наследником чудовища Ягоды, предшественником страшного Берию, но жестокостью превосходил их обоих. Этот пьющий до потери сознания дегенерат лично пытал и убивал узников. Время «большой чистки», когда он руководил госбезопасностью, получило название ежовщины. Возможно, самые кошмарные двадцать шесть месяцев за всю тысячелетнюю историю России, кто знает. Завершился этот период 1938-м расстрельным годом.

Ежов был психопатом, обуреваемым манией величия. В народе ему дали прозвище «кровавый карлик». Наверное, это один из страшнейших монстров, каких только рождало человечество, а я у его дочери сижу попиваю чай, двадцать седьмой стакан.

Я знал, что она живет на Ленина, 37. Средний подъезд. Ну, я иду снизу и колочу подряд во все двери. Они сплошь железные. Ни один звонок не работает. Никто из жильцов не знает, кто соседи, и мало кому фамилия Ежов о чем-либо говорит.

У Наталии Николаевны только одна комната. В коридоре под портретом хозяйкиного батюшки я раскладываю на ночь матрас, потом выскакиваю купить чего-нибудь на ужин.

«Кулинария» в Оле — это такой магазинчик с баром очень быстрого обслуживания, где можно выпить пива и мерзкого китайского кофе «три в одном» (кофе, молоко и сахар в одном пакетике). У меня есть банка икры, добытой на рыбалке, но нужны хлеб и масло. Наталия Николаевна живет очень бедно.

Заодно я делаю открытие, что не обрусел еще окончательно. «Обрусеть», «обрусевший» — довольно обидные слова, означающие саморазрушение. Их употребляют представители нерусских народностей, говоря о соплеменниках, которые

забыли свой язык. Якуты, когда хотят выразить презрение к таким людям, называют их маргиналами. Это те, кто сам себя выбросил на обочину жизни.

Первые две недели пребывания в России какие-то отделы моего мозга вынуждены переводить на польский всё, что я слышу или хочу сообщить другим извилинам. Позже я думаю уже по-русски. И вот он, случай убедиться, что это не совсем так. Я покупаю масло, хлеб и спрашиваю, нет ли чего горячего на вынос. Есть языки под соусом и печень с луком. Разумеется, я решил порадовать себя «печенью». У Наталии Николаевны выяснилось, что «печень» — это печенка. Ну, понятно! А я принял ее за жаркое^[1]. Из двух зол я предпочел бы те языки.

Ола — поселок, состоящий из нескольких десятков панельных пятиэтажек, именуемых хрущевками, поскольку такие дома начали строить в СССР во времена Хрущева. Во многих дворах еще не залитые катки для хоккея и стойки для сушки белья, но ими никто не пользуется — воруют. А заросли бурьяна и кустов везде по пояс.

Наталия Николаевна живет в Оле, потому что получила тут свою первую в жизни квартиру, выйдя в 1991 году на пенсию. У нее есть дочь и шестеро внуков, четверо из них живут здесь же, в поселке. Она аккордеонистка, но после инсульта больше не может держать тяжелый инструмент. И левая рука уже не снует так по клавиатуре, как раньше.

Мы разговариваем с хозяйкой почти до утра. И вот я уже хохочу! До упаду, позабыв о том, что в квартире холод собачий. В Оле еще не отапливают, хотя за окном морозная ночь, тайга, заснеженные холмы. Мы сидим в куртках, в шапках.

Кудрявая Наташа — ребенок номер 144

— А это что?

— Шоколад.

— Зачем?

— Для вас.

— Для меня? — удивляется Наталия Николаевна. — Шоколад? А вы знаете, сколько мне лет?

— Тридцать два.

И мы вдвоем покатываемся со смеху. Ее смех чертовски заразителен. Несколько минут мы не можем успокоиться, пока у Наталии Николаевны не начинается приступ кашля. Она долго давится. Из груди и горла вырывается какое-то густое бульканье, как будто там что-то оторвалось, она хватает банку из-под кофе Maxwell House и выплевывает в нее зеленый ошметок легких. Это любимый кофе хозяйки. И любимые банки, они стоят по всей ее маленькой квартирке. Половина — для бычков, другая — плевательницы.

— Не нужны мне ваши комплименты, — хрипит она, вытирая глаза. — Я семьдесят девять лет прожила, хотя дымлю как паровоз. Но зато не пью. Вообще! А на том снимке сзади вас — мой папа. Вы же знаете?

— Знаю.

— Ну конечно. Иначе зачем бы вам ко мне приходиться? Дочь Ежова. Боже, как это страшно звучит.

— Значит, Хаютина — ваша фамилия по мужу, — догадываюсь я.

— По матери. А точнее по ее первому мужу, которого я не знала. Папа — третий муж, а мама — его вторая жена. Я ведь им не родная. Они не могли иметь детей, оба. Меня в 1933 году взяли из детского дома, пяти месяцев от роду. А настоящих родителей еще раньше посадили или расстреляли. Это были друзья моей новой матери. Приемного папу в начале 1939 года арестовали, а мне поменяли фамилию, из Ежовой я стала Хаютина, и увезли в Пензу, в детский дом. Там я вызывала панический страх. Мне было шесть лет, но я это видела. Только не понимала, почему. Иду по коридору, а на стене портрет моего отца, ну, я в крик: «Папа!». А у всех воспитателей ноги подкашиваются от страха. Не успели снять календарь.

Наталия Николаевна заходится смехом и снова задыхается от ужасного кашля. Банка от кофе пополняется, она закуривает и делает два глотка кофе.

— В первую ночь, как меня туда привезли, я рассказала о себе в общей палате. Об отце, няне, прислуге, охранниках, машинах, наших гостях, даче, квартире в Кремле.... Слушают дошколята, пяти-шестилетние дети, и даже пискнуть не смеют. Тогда даже дети понимали, какое это опасное имя. Приходит заведующая дошкольным отделением, забирает меня из общей палаты и стелит постель в своем кабинете. Месяц я там сплю. Носить

фамилию Ежова было тогда страшно. Но я, как и все, значилась под номером.

— Боже, — вздыхаю я, — как в концлагере.

— И у нас тоже. Я была 144. На рубашках, трусах, варежках, на всей одежде и даже валенках был твой номер. И вызывали нас по номерам. Как в лагере. Каждый сбор, утренняя и вечерняя линейка, распределение работы — обязательно по номерам. Я была 144.

— Как вам жилось?

— Ненавидели меня там. Просто не-на-ви-де-ли. Издевались, не давали проходу и били непрерывно. Страшно били! Воспитатели.

— Почему?

— Сначала я понятия не имела, — говорит дочь Ежова. — Вот, взять хотя бы тихий час после обеда. В палату входит воспитательница, молча тычет в меня пальцем, я выхожу, она зажимает меня между колен и: «Только пикни», — шипит с ненавистью. И начинает колотить, как бешеная, палкой от метлы. Ни за что! Без причины. Колотит так, что палка трескается, а когда я начинаю выть, зажимает рот. Посторонние люди приходили меня отдубасить. Воспитатели других групп, поварихи, водители, ночной сторож, сотрудники администрации.... Больше всего я боялась этого тихого часа. Ночью тоже не лучше. Боже! Ведь мне было только шесть лет. И я не знала, что с папой. Думала, что меня похитили. Выдернули из моего замечательного, прекрасного мирка и бросили в этот ад. Я в жизни не видела столько детей. Всегда оставалась одна. Одинешенька. Часами, целыми днями сидела на подоконнике и смотрела на дорогу, по которой меня привезли. Много лет не могла прийти в себя. Прежде я такая кудрявая была, кудлатая, а они все лысые. Вши были, кошмар.

— И не остригли вас?

— Удивительное дело, я очень долго сохраняла свои черные густые волосы барашком. И меня таскали за них все, кому не лень. Бывало, хватали так, что я не могла достать ногами до пола. Ни один не пройдет мимо, не дернув за волосы. Ни один! А взрослым подражали старшие дети. До о олго меня не стригли. Пока не привезли эвакуированных, которые остались сиротами из-за начавшейся войны, у них на головах аж шевелилось от вшей, и я их наконец тоже подхватила. Сколько же нас там

тогда собралось! Более шестисот ребят. Втроем на одной кровати спали. Кошмар. А кровать — железяка, узенькая, да еще голод, холод. Жуть! Холодней, чем сейчас в моей квартире.

— Но тогда была война.

— А сразу после нее приехали нас забирать, на воспитание, — рассказывает Наталия Николаевна. — Фронтовики в парадных мундирах, увешенные орденами, медалями, и их жены. Нас тоже принарядили, а они брали на постоянно, навсегда, чтобы мы стали как свои дети, ведь у нас находились только настоящие сироты. Военные. Не какие-нибудь дети алкоголиков. Выбирали тех, кто посимпатичнее. Даже под одежду заглядывали и в зубы смотрели. А у нас были две сестры. Одна красивая, как ангелочек, а другая, не сказать, чтоб очень. Так бывает, когда один ребенок в отца, а другой — в мать. Юльку сразу взяли, а она: без сестры не пойду, — а они говорят, что вторая им не нужна.

— И тут показывают на вас?

— Да! Этот военный склонился надо мной и спрашивает, может ли он быть мне отцом. Конечно же, нет! Я никогда его так не назову! У меня есть свой! Я, правда, не сомневалась, что папа где-то есть, что он жив, скучает по мне и когда-нибудь за мной приедет. Заведующая сразу подняла крик, что я «полная сирота»! А когда все разошлись, отвела меня в свой кабинет, заставила снять платье, раздела догола и принялась хлестать этим летним платьем с длинным рядом больших каменных пуговиц. Боже, как потом было больно! Наконец я схватила ее зубами за палец и почти отгрызла его. Выскочила из кабинета и побежала в подвал. Там держали уголь и стояла бочка с водой. Четыре дня я там пряталась. Спала на угле совершенно голая. Ничего не ела, только пила грязную воду из этой бочки. К голоду мы были привычные.

— Не искали вас?

— Еще как. Даже милицию вызывали. Я слышала, как воспитательницы бегают по коридорам и ищут Наташку. Ненавидели меня, но и боялись. Отвечали головой. Сейчас я уже знаю, что всю жизнь была под надзором НКВД. Если бы что-то со мной случилось, сразу бы началось следствие.

— Но ведь тогда много детей умирало.

— Но я была не обычным ребенком, — говорит Наталия Николаевна, будто оплетая меня шелковой паутиной своих

затуманенных взглядов.

Мятежная Наташа — синдром бабочки

— Кто вам рассказал, что вы необычный ребенок?

— Когда отца забрали и меня увезли, никто не знал, куда. Вся мамина родня искала, но им не собирались говорить, что со мной стало. Дядья и тетки хотели взять сироту к себе, приютить. Моя няня Марфа Григорьевна Смирягина тоже хотела. Она всю жизнь у больших, важных людей работала, а я была ее последней воспитанницей.

— У нее не было проблем с госбезопасностью?

— Каким-то чудом ее не тронули, — говорит Наталия Николаевна. — И она никогда не переставала меня искать. Во время войны няня была санитаркой в госпитале. Однажды всю ночь просидела у постели немолодого солдата, который находился в тяжелом состоянии. Оказалось, что на гражданке он работал в министерстве здравоохранения, распределял детей по детским домам. Они договорились, что если останутся живы, то после войны вместе меня поищут. Так и произошло, но они разыскивали Ежову, а я была уже Хаютина. Ну, они начали искать на все мамины фамилии. Девичью и по мужьям, и нашли. Как она меня любила! Сразу поехала в Пензу, а того человека арестовали и выслали в лагерь за разглашение государственной тайны.

— Няне ничего не было? — я снова задаю этот вопрос.

— Ничего. Это очень странно. Понятия не имею, почему ей неизменно везло. Ведь время было страшное, еще был жив Сталин, которому я постоянно писала письма, чтобы вернули мне отца. Всегда приходил один и тот же ответ: «реабилитации не подлежит». Я в этом ничего не понимала, а старшие девочки спрашивали, не страшно ли мне. Но я ничего не боялась. Ничего! А два года назад, представьте, меня саму реабилитировали.

— Как это?!

— Что я вроде жертва репрессий. Справку дали.

— Но ведь это вашего отца расстреляли, — удивляюсь я, — не вас.

— Но меня всю жизнь преследовали, осиротили, лишили дома.

— А что с няней?

— Мы встретились во дворе. Я была в седьмом классе, четырнадцать лет, голова лысая, как у всех, а она: «Ох, ты, моя кудрявая», — и берет меня за руку. Но не так, как другие. С теплотой. И мы пошли вместе. Давно никто так не брал меня за руку, почти восемь лет. Если и брали, то чтобы куда-нибудь или к кому-нибудь отвести. Мы с няней шли и шли. Просто так. Тогда я узнала всю правду о себе и своей семье. Директор отдал нам свой кабинет, чтобы мы могли побыть в покое, поставил даже кровать, и няня жила там несколько дней. Но я уже была другим ребенком. Забитым, закрытым наглухо, замкнутым, диким. Я всех отталкивала от себя, всё мне не нравились. Даже с няней вела себя по-хамски, грубо, резко. Она глазам своим не верила, что они со мной сделали. Из ее милой Наташи такая шпана, хулиганка. Сказала, что хотела взять меня к себе навсегда, но ведь я вгоню ее в могилу. И я осталась в детском доме.

— А родственники матери, отца?

— Через год пригласили меня в Москву. На вокзал за мной должна была прийти тетя Маня, жена маминого брата, а там несметные толпы, гвалт, давка — обычная для послевоенной железной дороги картина. Все куда-то несутся, проталкиваются, обвешанные мешками, кричат, а я стою в сторонке и жду. Подходит какая-то женщина и спрашивает, не я ли Наташа, но мне ее вид не понравился, и я сказала, что нет. Такая дурочка была. И дальше стою, а когда перрон опустел, она снова ко мне. Что делать? Пришлось признаться.

— У вас, дорогая Наталия Николаевна, не было выбора, — мы вместе покатываемся со смеху.

— Я тогда была ужасная бунтарка. Хуже, чем год назад, с няней. Рычала на всех как зверь, а тут мамина родня съехалась, чтобы со мной заново познакомиться. Трое ее братьев с женами и сестра с мужем. Моя мама Евгения Фейгенберг была самой младшей в семье. По первому мужу Хаютина, по второму Гладун, по третьему Ежова. Ей было тридцать четыре года, когда она умерла. Ни у кого в этой большой семье — ни у сестры, ни у братьев — не было детей. Такая у них была проблема. И вот я являюсь и начинаю на всех дуться. Заявляю, что мне у них не нравится, и прошу отвезти к няне. Ну, они отвезли. Мне больше нравилось в семье отца.

— Кому-нибудь из родственников Ежова удалось выжить?

— Да. На удивление, всем. Они были из простых. Здоровые пролетарии, русский народ, рабочий люд. Отец тоже был такой, поэтому я чувствовала себя у них как на седьмом небе, а тех-то я вообще не понимала. Они так странно разговаривали, слова у них такие...

— Может, они по-еврейски говорили? — делаю я предположение.

— Как бы по-русски. Но по-докторски. Они врачи, в основном психиатры. Интеллигенты, культурные, в театр меня брали, на концерты, выставки, и все хотели, чтобы я именно у них жила. Когда я ехала к отцовым, эти злились, а когда к материным, то папина родня обижалась. Было здорово, потому что раньше никому до меня не было дела.

— А материнский клан как пережил большую чистку?

— Хорошо, вполне. Только одного ее брата забрали. Получил десять лет без права переписки. Тетя Маня носила ему консервы, табак, сахар, а его уже давно на свете не было. Дали ему десять лет и сразу расстреляли.

Приемная мать Наталии Николаевны, Евгения, умерла в начале 1938 года, за десять месяцев до ареста мужа и отправки единственной дочери в детский дом. Все ее родственники уверены, что она была отравлена в больнице, но российские историки не подтверждают этой версии, хоть и не отрицают ее правдоподобия.

— Это наверняка не отец, — Наталия Николаевна надсадно кашляет. — Кто-то другой! Отец рвал волосы на голове. Я сама помню. Страшно переживал. Близкие вначале на него подумали, но, увидев, как папа с ума сходит, решили — не он. Бедный папа. Мне всегда его очень жаль было, — казалось, он только и делает, что исполняет чужую волю. Такой маленький, худенький. Шутил, что боится моей няни. Она такая здоровая баба.

Наталия Николаевна показывает сохраненные няней старые фотографии. Осталась только одна карточка матери и одна Наташи — в лодке, где она сидела с отцом, наркомом Николаем Ивановичем Ежовым, но няня его вырезала. Боялась хранить изображение человека, которого Сталин лично приказал расстрелять.

Это фотографии с подмосковной дачи Ежова.

— Мы постоянно там жили, — говорит его дочь, — хотя официально имели квартиру и прописку в Кремле. До сих пор у меня в документах значится прежний адрес: Москва, Кремль, строение 3, квартира 13. Или наоборот. У нас было четыре комнаты, а в моей — множество игрушек. Но по-настоящему мы жили на даче. Там находились няня, тетя Поля-горничная, повар и официант. У ворот стояла охрана, а во флигеле жили женщина и мужчина, которые занимались какими-то делами отца. Пять прекрасных лет мы там прожили. С поваром я играла в теннис, обожала эту игру.

— А ваш отец — в бильярд с Исааком Бабелем, советским писателем и журналистом. И всё для того, чтобы отвлечь его от общения с вашей матерью, которая в двадцатые годы, извините за откровенность, недолгое время была любовницей молодого Исаака. Впрочем, тогда она была женой Хаютина.

— Откуда вы знаете? — морщится Наталия Николаевна.

— Из дневников Ильи Эренбурга. Бабель тянулся к вашему дому, к вашей матери, потому что хотел понять природу сталинского террора. Это называется синдром бабочки. Насекомое само летит в объятия смерти. И Бабель прилетел. Ваш болезненно ревнивый и подозрительный отец в конце концов приказал его арестовать. Очень много приговоров подписал он на зеленом сукне бильярдного стола.

— Прошло более семидесяти лет, а я как сейчас помню маму, повторявшую: «Коля, устранись, уйди, беги, пока еще не поздно!». Его бы так и так расстреляли, но по крайней мере умер бы человеком. Но он не мог оставить Сталина. Тот был у него вместо иконы. Отец попросту молился на него! На образ живого человека!

— Невероятно!

— Я тоже ни х... Ой, извините. Мне тоже с трудом верится. Но так говорили у него в семье. Потом я прочла в газетах последнее слово отца на суде. Он просил передать Сталину, что умрет с его именем на устах и чтобы не трогали семью, позаботились о дочери.

Наталия Николаевна вытирает глаза и нос. Закуривает.

— На краю могилы он думал обо мне, — говорит дочь монстра, и опять я чувствую шелковую паутину ее затуманенных взглядов.

Аккордеонистка Наталия — влажный кашель

— А вы знаете, что я крещеная?

— Не может быть! — откликаюсь я. — Мать еврейка, отец большевик, спец по расстрелу попов.

— Няня устроила. Она была очень религиозна.

Няня организовала это в 1946 году, летом, когда Наташа первый раз приехала в Москву. Однако она очень боялась. Заклинала девочку не проболтаться, даже (в первую очередь) семье, и уже на следующий день к няне домой явились из НКВД.

— Несколько офицеров в мундирах. — Наталия Николаевна разрывается от кашля. — Даже у меня, бесстрашной, чуть инфаркт не случился. А они вежливо просят мою няню, чтобы она согласилась стать няней внука Иосифа Сталина, маленького Оси, которого недавно родила Светлана. И представляете? Отказала! Отказала Сталину! Потом еще много месяцев мы из-за этого жили в страхе.

После седьмого класса Наташа хотела подать документы в музыкальное училище, но ей безо всяких объяснений отказали. Отфутболили, как обычно. Так она сама говорит. Отослали ее в ремесленное, где готовили по рабочим специальностям, хотя она прекрасно училась. После пришлось еще четыре года отработать по распределению на конвейере часовой фабрики. Ее приняли в комсомол, но чтобы в партию — об этом не могло быть и речи.

— Ну, из-за отца и этого самоубийства... Я где-то напортила, и наш бригадир в наказание запретил мне выступать на фабричном концерте по случаю годовщины Октябрьской революции. Я должна была играть на аккордеоне. Мое первое выступление, а он не разрешает, ну, я хватаю веревку и выбегаю из цеха. За мной гонятся, а я на бегу надеваю петлю, набрасываю на дерево, прыгаю, и... веревка рвется. Через всю фабрику меня, точно козу, ведут на этой веревке к директору, он как швырнет меня на кушетку и давай орать, будто ненормальный: «Все руководство за тебя пересажают!». Вы понимаете?! За меня постоянно кто-то или все вокруг были в ответе. Где бы я ни жила, где бы ни работала, туда приходили и назначали ответственного за меня. Всю жизнь! Это чудовищно, потому что я больше не могла переживать за себя, а только за этих, которые в ответе. Всю жизнь чьи-то глаза на меня пялились.

Лишь в 1953 году, когда умер Сталин, Наталию приняли в музыкальное училище, о котором она мечтала, хотя она даже

не подавала заявления. Помнили о ней, ждали и вот вызвали. Еще четыре года учебы и опять распределение, но на этот раз ей разрешили выбирать место. Она выбрала Колыму. Сама не знает, почему.

Несколько недель утомительного путешествия на поездах, пароходе, попутках — и молодая аккордеонистка Наташа добирается из своей Пензы до поселка Ягодное в самом сердце Колымы. В пять часов вечера 23 августа 1958 года — спустя один год, два месяца, три недели и четыре дня после ликвидации Дальстроя, лагерного треста по добыче золота.

— А на следующий день в десять утра меня вызывают в НКВД, который теперь назывался КГБ. «Вы должны проявить себя, заработать, завоевать авторитет». Я спрашиваю, откуда они знают, кто я, а они: «Вы еще из дома выехать не успели, а мы вас уже ждали». Разумеется, не прошло и нескольких недель, как все в поселке узнали, кто мой отец, ну, я дальше, на Чукотку, в Певек — самый северный город мира, и через неделю меня вызывает директор нашего дома культуры. С круглыми от удивления глазами спрашивает: «Это правда»? — Правда что? — больше я вопросов не задаю, ноги в руки и на островок Айон в Восточно-Сибирском море. Играю на аккордеоне в составе агитбригады, которую мы сами называем культбригада. Ездим по тундре с концертами для колхозников из оленеводческих бригад, чтобы у людей был контакт с культурой. Песни, скетчи, декламация... Это было мое, лучшие годы моей жизни, но и сюда, в такую глушь, приехали за мной, поинтересоваться, как я справляюсь. А бежать уже было некуда. Континент кончился.

— А муж?

— Нету! — Наталия Николаевна хохочет, что, конечно же, заканчивается приступом кашля, который длится несколько минут. — Меня все боялись. Не хотели со мной жить, связываться, что уж говорить о замужестве. А постоянное одиночество это страшно. Когда мне стукнуло двадцать семь лет, я подумала: хоть ребенка себе заведу. Выбрала ему в отцы первого красавца в поселке, нашего киномеханика, армянина. Хороший, нормальный мужчина, но женатый. Я сразу ему сказала, чтобы не беспокоился, я не собираюсь ломать ему жизнь. Мне нужен ребенок, а не мужик!

— Болтали о вас люди?

— Нет, абсолютно. В советские годы это было нормально. Свободные были нравы. Дочка родилась в 1959 году, через шестнадцать месяцев после моего приезда на Колыму. Женя, в

честь мамы Евгении Соломоновны. Выросла в рабочих коллективах, в дороге, в тайге и тундре, на вездеходах и вертолетах, на которых нас возили на концерты. Я очень люблю свою работу.

— А она?

— Его жена? — спрашивает Наталия Николаевна. — Я не жду, когда люди насплетничают. Вернулась из отпуска и пошла всё ей рассказала. Был страшный скандал, но потом она успокоилась и заявила, что я должна отдать ей ребенка. Еще чего! Она была бездетная. Работала директором дома пионеров. Клара Алексеевна. Украинка. Терпеть меня не могла. А когда он погиб и стало некого делить, пригласила меня на чай, мы даже дружили. Недавно умерла. О ней говорили: «Сзади пионерка, спереди пенсионерка». У нее была коса до пояса и прекрасная фигура.

— А вы когда-нибудь были влюблены?

— Конечно! Моя первая любовь... Если бы ее не было, я бы в жизни ни одного стихотворения не написала.

— Какого, например? — спрашиваю я, а она на листке в клетку пишет свое жизненное кредо:

Ни в лагере я не была, и ни в тюрьме,

Но я сама себя арестовала,

И вот живу теперь на Колыме,

Куда сама себя сослала.

— Юрка мое вдохновение, — говорит она. — Ангел. Я пишу для него, хотя не знаю даже, жив ли. Мы познакомились в Пензе. Он был студентом политехнического института. Мы ни одного дня не могли прожить друг без друга. И так три года. Он не умел целоваться. И красавцем не был, но я его страшно любила. Ну, и кто-то ему в конце концов сказал, и мой Юрка исчез. Сдал последний экзамен и испарился. Даже не попрощался.

— Ну, я теперь знаю, Наталия Николаевна, почему вы после училища выбрали Колыму. Вы не представляете, сколько людей говорили мне, что вы приехали сюда, решив бежать на край света.

— А знаете, как раньше назывался пароход, на котором я плыла на Колыму? «Николай Ежов».

-
1. «Жаркое» по-польски *pieczeń*, звучит как «печень». — Прим. перев.

КОЛЫМА

Публикуя свой новейший сборник репортажей «Колымские дневники», Яцек Хуго-Бадер преподнес читателям очень большой сюрприз. Мне думалось, что он продолжит те сюжетные линии, которым посвятил две свои предыдущие книги: «В райской долине среди сорняков» и «Белая горячка». Стало быть, внимательно склонится над судьбой «лишних людей» в сегодняшней России — униженных и оскорбленных, наркоманов, бездомных, алкоголиков, бедняков. Одним словом, что он и дальше будет создавать описания темных аспектов российской действительности. Тем временем польский репортер в «Колымских дневниках» проделал в своем творчестве резкий и неожиданный поворот. Туда вступила история. Трагическое прошлое России сталинского периода, а также Польши.

Уже само заглавие этих репортажей, в котором присутствует слово «Колыма», служит для читателя довольно многозначительным намеком. Ведь никто в сегодняшней России не скажет: «Я живу на Колыме», — а назовет Магаданскую область или Якутию. Еще одной новостью станет у Бадера то обстоятельство, что он явным образом укажет, откуда идут эти репортажи — от Варлама Шаламова и его «Колымских рассказов», и это тем более поразительно, что до сих пор он творил свой образ как писателя, взбунтовавшегося против авторитетов, чем завоевал себе признание среди молодежи в Польше.

Зато методы этого репортера нисколько не изменились. Прогуливается себе Бадер по Колымскому тракту в двадцатиградусный мороз (его путешествие продолжалось 30 дней — с середины сентября до начала второй половины октября 2010 г.) и автостопом преодолевает дорогу от Магадана до Якутска протяженностью 2025 км, а его собеседниками чаще всего оказываются *попутчики*^[1] — водители или случайные встречные. Их истории он перемежает с заметками из дневника своего путешествия, тем самым позволяя этим фрагментам текста укладываться в некую общую мозаику. Такой способ передвижения мог бы носить в себе элементы интересного приключения, если бы не осознание репортером того, что Колыма — это «кошмар двадцатого века, самый

страшный остров архипелага ГУЛАГ, российская голгофа, белый крематорий».

Бадер пишет: «Я подсчитал, что если бы уложить на этой трассе все жертвы колымских лагерей эпохи Сталина одну за другой, то они бы не поместились». Он отдает себе отчет в том, что в нескольких десятках сантиметров под поверхностью дороги в вечной мерзлоте лежат кости тысяч заключенных сталинских лагерей смерти, в том числе и многих поляков. «Как сегодня живет в стране, которая столь часто и густо истекала кровью?» — такой вопрос ставит перед собой Бадер, отправляясь в путешествие. И потом приходит к выводу, что опыт ГУЛАГа весьма существенен для России. Взгляд на эту страну сквозь призму сталинских лагерей может оказаться довольно рискованным, но все-таки он имеет смысл, поскольку, как подчеркивает Вера Шульц^[2], чьи слова приводит в своей книге Бадер, именно сталинские репрессии стали причиной того, что родилась новая порода людей — «гомо советикус», покорных, инертных, безынициативных, безмолвных. А отношение к советскому прошлому можно признать ключевой проблемой современной России.

Для Бадера самый важный *попутчик* — Шаламов. Ему этот писатель гораздо ближе, чем, к примеру, Солженицын, хотя он сравнивает их творчество: «Шаламов открывает, что в лагере умирает и Бог тоже, тогда как для Александра Солженицына ГУЛАГ — это проверка характера, из которой узник может выйти победителем». Репортер путешествует по стопам автора «Колымских рассказов», которые служат ему в некотором смысле путеводителем по этим краям, а также посещает места, связанные с его биографией. Название одного из произведений Шаламова польский репортер даже приводит в книге. Это рассказ «Необращенный» из цикла «Левый берег» — история врача, доктора Миллера из лагеря в Кадыкчане. Он растил свинью, которая потом утонула в яме для нечистот. Но есть смысл отыскать и названия других произведений Шаламова, которые использовал Бадер. Из сборника «Колымские рассказы» это рассказ «Хлеб» (хлеб надо вылизывать, сосать, как леденец), «Стланик» (о хвойном кустарнике, который стелется по земле, что означает наступление суровой колымской зимы). Из сборника «Левый берег» — рассказ «Букинист» (о том, как фельдшер съел кошку), а также «Последний бой майора Пугачева» (о самом громком побеге в истории ГУЛАГа). На примере рассказа «Житие инженера Кипреева» из сборника «Воскрешение лиственницы» можно проследить, каким способом Бадер на канве произведений Шаламова надстраивает собственное повествование. Он

приезжает в поселок Стекольный, чтобы своими глазами увидеть остатки завода по восстановлению электроламп. Это изобретение сделал герой рассказа, потому что лампочки были одним из наиболее дефицитных товаров в колымском ГУЛАГе. Репортер встречается там с людьми и от них узнаёт о другой интересной истории. Про двух Владимиров, один из которых был гитлеровским полицаем, а второй — белорусским партизаном. Когда их после смерти Сталина выпустили из лагеря, они остались в этой местности. Потом жили под одной крышей в коммуналке и страшно ненавидели один другого. Но зато их дети, дочь и сын, влюбились друг в друга. Бадер пишет, что это история, какой не придумал бы даже Шекспир. Взгляду поляка на Колыму как на второй Клондайк, где царит золотая лихорадка, сопутствует рассказ «Тачка». Бадер любопытным способом сравнивает условия добычи золота во времена ГУЛАГа и сегодня при помощи бульдозеров. Он подсчитал, что работа заключенных обходилась почти в десять раз дешевле, чем теперь составляет стоимость топлива для машин. В «Колымских дневниках» мы найдем значительно больше отсылок к Шаламову — мне хотелось указать только самые главные из них.

Бадер — настоящий сенсуалист. Для него важнее всего чувственный опыт: он должен потрогать, понюхать, увидеть собственными глазами и убедиться воочию. Выезжая на Колыму, он хотел испытать те же ощущения — голода, холода, — которые были уделом героев шаламовской прозы. В метафорическом смысле Бадер воплотился в этих персонажей. Хотя он не потерял в сталинских репрессиях никого из близких, ГУЛАГ стал для него очень личным переживанием. Волнующая сцена, в которой польский репортер натывается на остатки прежнего лагеря и с уважением прячет в рюкзак, словно реликвию, кусок колючей проволоки.

Собеседники Бадера во время путешествия по магаданской земле — это чаще всего немолодые люди, чья судьба так или иначе связана со сталинскими лагерями. Например, бабушка Таня (18 лет в лагерях, 8 лет за антисоветскую пропаганду), врач Мирон Этлис (24 года приговоров, террор, антисоветская агитация), зэчка Мария (10 лет, 6 лет за саботаж, потому что пропустила один день на работе, 4 года за попытку побега). От них репортер узнаёт о подробностях лагерной жизни. При этом отмечает, что они не испытывают желания отомстить или взять реванш за впустую растраченную жизнь. И, невзирая на все жестокости, остались благородными людьми. Желая сбежать как можно дальше от болезненных воспоминаний, связанных с пребыванием в детских домах, на Колыме

поселилась и дочь Ежова Наталия Хаютина. Вообще польский репортер удивлен, до чего быстро русские умеют прощать своих мучителей, оправдывать их и отпускать им грехи. И по случаю осмотра в Магадане памятника Эдуарду Берзину, первому директору Дальстроя^[3], руководившему лагерями на Колыме, которого увековечили таким способом в 1989 г., на пике *перестройки*, Бадер бросает следующее замечание: «Это приблизительно так же, как если бы в Освенциме поставить памятник великолепному врачу и антропологу Йозефу Менгеле или тому заслуженному химику, который придумал циклон Б».

Современная российская политическая действительность показана в репортажах Бадера неподвижной и окаменелой. На зданиях висят портреты президента и премьер-министра, область безраздельно управляет партия «Единая Россия», а зэчка Мария услужливо благодарит губернатора за подарки, присылаемые по случаю Дня победы. На противоположном от бывших заключенных полюсе располагаются живущие в симбиозе с преступным миром циничные олигархи, которые заправляют в богатом стратегическим сырьем Колымском краю. В «Колымских дневниках» Бадер пробует продолжать тот метод интервью с известными людьми, с которым мы имели дело в его первой книге о России «В райской долине среди сорняков», где он поместил беседу с Михаилом Калашниковым, а также с генералом Лебедем. Но магаданский магнат-золотопромышленник оставил у репортера очень неприятный осадок и внушил ему сильное отвращение, после того как сначала счел репортера агентом иностранной разведки, а потом пытался подкупить, словно российского журналиста. Бадер знакомится также с полковником ФСБ Дмитрием. Когда тот на протяжении 18 часов играет в карты с уголовником, репортер воспринимает эту сцену как символическую, выражающую дух современной России: «В бараке у Охотского моря возрождается старый, еще сталинский союз *блатных*, иначе говоря касты профессиональных преступников, с госбезопасностью, со всем аппаратом насилия». Стоит подчеркнуть, что, описывая Колыму, Бадер нередко впадает в бандитскую романтику и вносит в свои репортажи многочисленные выражения из российского уголовного жаргона.

На Колыме, где покоятся кости почти двух миллионов жертв ГУЛАГа, общение со смертью становится повседневным опытом. Бадер приводит данные из книги генерала Владислава Андерса, что только в 1940–1941 гг. в колымские лагеря попало свыше десяти тысяч польских граждан. Репортер не в состоянии забыть, что всё время находится на сплошном огромном кладбище: «А может, здесь лежит наш

девятнадцатилетний солдатик из сентябрьской кампании, паренек из моей Варшавы, которым командовал мой дедушка?» Трупы эков, лежащие в нескольких десятках сантиметров под поверхностью земли, разгребаются бульдозерами в поисках золота, как в репортаже «Бульдозер-мясорубка», а молодежь на террасах, насыпанных землей из могил, жарит шашлыки. В этом отсутствии уважения к умершим Бадер усматривает черту, характерную для жителей Восточной Европы после всех тех депортаций, которые сопровождали Вторую Мировую войну. Точно так же его родители играли на еврейском кладбище в Сохачеве, откуда немцы вывезли евреев в лагеря уничтожения, молодежь из западной Польши ходила на немецкие кладбища, а из Западной Украины и Белоруссии — на польские. Но Бадер отмечает также, что жизнь сильнее смерти. Она способна заново возродиться даже после самых ужасных жестокостей.

В нынешние времена по случаю разных трагических событий можно услышать, что это «второй Освенцим», «второй ГУЛАГ». Некоторые политики в Польше без тени колебаний назвали катастрофу президентского «Ту 154» под Смоленском «второй Катынью». Смоленский сюжет тоже появляется в репортажах Бадера. Часто он вынужден объясняться с рядовыми российскими гражданами по поводу теорий заговора, распространяемых политиками «Права и справедливости», — о том, что российские спецслужбы сбили этот самолет или распылили искусственный туман с целью вызвать катастрофу. Думаю, публикация сборника репортажей «Колымские дневники» напомним полякам о том, чем действительно были сталинские лагеря смерти, и оградит их от злоупотреблений сравнениями, связанными с тем периодом. Политическим провокациям, назначение которых состоит в том, чтобы поссорить русских и поляков, Бадер противопоставляет память о Колыме — трагическом месте, где в общих могилах покоятся представители обоих народов.

*

Jacek Hugo-Bader. Dzienniki kołymskie. Wołowiec: Czarne, 2011.

-
1. Курсивом здесь и далее — по-русски в тексте. — Пер.
 2. Вера Шульц — одна из авторов сборника воспоминаний о лагерях «Доднесь тяготеет. Вып.1. Записки вашей современницы» (М., 1989).
 3. Шаламов хотел описать его в романе «Берзин», для которого

успел набросать только план (Прим. авт).

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Номинальный ВВП Польши превысил 1,52 трлн. злотых. За год он вырос на 7,6%. Реальный рост составил 4,3%, оставшиеся 3,3% — следствие роста цен. «Рост нашего номинального ВВП выше номинального процента по польским долговым обязательствам, что помогает сохранять стабильное отношение задолженности к ВВП. Вероятно, оно будет сохраняться достаточно долго, поэтому Польша может снижать отношение долга к ВВП даже в условиях небольшого отрицательного сальдо государственных финансов», — считает главный экономист Польского банка предпринимательства Игнаций Моравский. По словам Якуба Боровского, главного экономиста «Кредит-банка», «наш номинальный ВВП составляет 3,9% от ВВП еврозоны (...) и 2,9% от ВВП всего Евросоюза (...) Для оценки нашей экономики важно, сколько составляет ВВП на душу населения с учетом паритета покупательной способности. В прошлом году он приблизился к средней по ЕС, но по-прежнему ниже 70% от нее». («Жечпосполита», 7 марта)

• «В январе темп инфляции неожиданно замедлился до 4,1% в годовом исчислении, в то время как в декабре она составляла 4,6%, а в ноябре — 4,8%. По сравнению с декабрем рост составил 0,7% — сообщило Главное статистическое управление (ГСУ)». («Дзенник — Газета правна», 16 февр.)

• «По данным ГСУ, в 2011 г. объем продаж за границу вырос на 15% (т.е. на 73 млрд. злотых). Весь объем польского экспорта составил 555 млрд. злотых». («Жечпосполита», 14 февр.)

• «В 2011 г. в Польшу приехало 19,4 млн. иностранцев из-за пределов ЕС. По данным Жешувского статистического управления, их было на 20% больше, чем в 2010 году. Чаще всего иностранцы приезжали только на один день, чтобы приобрести товары и услуги, за которые в прошлом году они заплатили 5,2 млрд. злотых — на 38,2% больше, чем в 2010 году». («Дзенник — Газета правна», 27 февр.)

• «На этой неделе агентство «Moody's» понизило оценку кредитоспособности шести стран валютного соглашения. Таким государствам, как Италия и Испания, кредиторы стали

доверять меньше, чем Польше (...) Уровень безработицы в Польше в два раза ниже, чем в Испании, дефицит внешней торговли пропорционально меньше, чем во Франции, государственный долг значительно ниже, чем в Германии, а темп роста производительности труда уже давно намного выше, чем в Италии (...) Агентство «Блумберг» назвало нашу страну оазисом стабильности в Центральной Европе, а инвестиции в польские облигации признало более выгодными, чем в немецкие «бунды»». («Дзенник — Газета правна», 15 февр.)

- «В январе 2012 г. сторонников членства Польши в ЕС было по-прежнему во много раз больше (81%), чем противников (12%). По сравнению с прошлым опросом ЦИОМа изменения были невелики, хотя число евроскептиков немного увеличилось, а евроэнтузиастов — уменьшилось». («Газета wyborcza», 15 февр.)

- «Согласно опросу TNS ЦИМО, проведенному 19-23 января, 56% поляков довольны, что Польша — член ЕС, а 11% высказываются против. 29% опрошенных занимают нейтральную позицию. 55% респондентов положительно оценивают усилия правительства по обеспечению Польше надлежащего места в Европе, а 32% — отрицательно». («Жечпосполита», 18-19 февр.)

- «С начала года нелегально проживающие в нашей стране иностранцы подали почти 3 тыс. прошений об амнистии (...) Учитывая, что число нелегалов оценивается в 80 тыс. человек, это всё еще слишком мало». («Дзенник — Газета правна», 14 февр.)

- По расчетам Польского национального банка (ПНБ), к концу третьего квартала 2011 г. наши накопления составили... 1,22 трлн. злотых. Это наполовину больше, чем государственный долг Польши. В эту сумму входят деньги на вкладах, в инвестиционных и пенсионных фондах, в облигациях и акциях, страховых полисах, а также в наличных. В то же время наши долги составили 554 млрд. злотых. Месячный прожиточный минимум составляет 1030 злотых. («Газета wyborcza», 25-26 февр.)

- «25 глав правительств, в т.ч. премьер-министр Дональд Туск, подписали вчера в Брюсселе фискальный пакт (...) Суть пакта сводится к категорическому запрету нынешним и будущим членам еврозоны «увеличивать долги». Пакт вводит т.н. золотое правило, согласно которому структурный дефицит подписавших его государств не может превышать 0,5% ВВП (до сих пор целью, поставленной Брюсселем, был структурный

дефицит на уровне 1% ВВП). За нарушение этого принципа страны будут автоматически платить штраф в размере до 0,1% ВВП. Деньги эти будут поступать на счет Европейского стабилизационного механизма и предназначаться для тех членов еврозоны, которых коснется долговой кризис». (Малгожата Госс, «Наш дзенник», 3-4 марта)

- «Польша развивается, но не использует все свои возможности. Это экстенсивное развитие. Мы пользуемся доступными средствами, выделенными ЕС, но не умножаем их (...) Европа справится со своими проблемами, и тогда на ее фоне мы будем выглядеть хуже, чем сейчас. А если Европа не справится, то, может, мы и не будем выглядеть хуже, но жить нам наверняка станет труднее (...) Мы редко задаемся вопросом, что случится, когда кончатся деньги из ЕС. Способны ли мы сохранить уровень развития и продолжать его повышать? (...) Польша, начавшая строить рыночную экономику с явно более слабых позиций, поначалу должна перенимать чужой опыт, но эта модель новаторства уже исчерпывает себя», — проф. Ежи Хауснер. («Жечпосполита», 27 февр.)

- «Польша занимает последнее место в Европе по расходам на науку (в процентах от национального дохода). Средняя по ЕС составляет 2%, в Польше же это цифра порядка 0,4%». («Газета выборча», 6 февр.)

- «По данным Евростата, в прошлом году число работников, получающих зарплату из госбюджета, уменьшилось в ЕС почти на 175 тыс. человек (т.е. на 1%) (...) В Польше число таких работников на 1% выросло». («Жечпосполита», 15 февр.)

- «Еврокомиссия приостановила выплату Польше почти 312 млн. евро по региональной программе «Инновационная экономика», — подтвердил пресс-секретарь ЕК Тон ван Лироп (...) Комиссия выявила серьезные нарушения в работе системы управления программой и контроля над ней». («Дзенник — Газета правна, 23 февр.)

- «“Отсутствуют систематические и последовательные действия по ограничению коррупции”, — говорится в последнем докладе Института общественных дел и «Transparency International»». («Газета выборча», 6 марта)

- «По данным ГСУ, в 2011 г. из государственного реестра хозяйствующих субъектов было удалено 311 тыс. предприятий — почти на 100 тыс. больше, чем в 2010 году. «Это означает, что прекращение хозяйственной деятельности становится всё

более частым явлением», — комментируют эксперты». («Дзенник — Газета правна», 22 февр.)

- «В январе, как и в декабре, уровень безработицы в Польше составлял 10,1%, — оценил Евростат на основании исследования экономической активности населения, которое ежеквартально проводит ГСУ. По данным Евростата, в январе уровень безработицы в 27 странах-членах ЕС вырос на 0,1% — до 10,1%, а в еврозоне — до 10,7%». («Дзенник — Газета правна, 2-4 марта)

- «По предварительным данным министерства труда, в конце января в центрах занятости было зарегистрировано более 1,1 млн. женщин — на 31 тыс. (2,9%) больше, чем год назад. Между тем безработных мужчин было немногим более миллиона — на 15 тысяч (1,4%) меньше, чем год назад. Министерство сообщило, что в 2011 г. число безработных женщин тожеросло, а мужчин — уменьшалось». («Дзенник — Газета правна», 21 февр.)

- «По данным министерства труда, в прошлом году в Польше работало рекордное число иностранцев. В 2011 г. предприниматели сообщили в поветовые центры занятости о намерении принять на работу на основании т.н. заявлений 259 777 работников из-за польской восточной границы, в т.ч. 239 646 украинцев, 13 024 молдаван, 4370 белорусов, 1774 грузин и 963 российских граждан (...) В 2010 г. было подано 189 тыс. заявлений, а в 2007 м — всего 27,3 тысячи». («Дзенник — Газета правна», 5 марта)

- «Данные не оставляют сомнений: с чисто финансовой точки зрения работа в польском филиале немецкой, американской или французской фирмы выгоднее работы в фирме польской. Там больше платят — в среднем почти 4,3 тыс. злотых, в то время как отечественные предприятия могут предложить лишь 2,5 тысячи. Таковы данные ГСУ (...) Однако за более высокие зарплаты приходится расплачиваться дополнительным стрессом и работой в сверхурочное время (...) Поэтому некоторые работники иностранных фирм увольняются и создают собственный бизнес или переходят к польским конкурентам, которые хуже платят, но меньше требуют». (Януш К. Ковальский, «Дзенник — Газета правна», 5 марта)

- «Пятерым полякам предъявлено обвинение в продаже несъедобной соли — в частности мясокомбинатам (...) Задержанные уже полтора десятка лет сотрудничали с вроцлавской фирмой, производящей техническую соль

[технические отходы от производства хлорида кальция], которая используется в химической и энергетической промышленности, а также для посыпания улиц зимой. Следствие показало, что контракты на закупку технической соли заключались начиная с 1999 года». («Жечпосполита», 28 февр.)

- «Техническую соль покупали мясокомбинаты, хлебо- и молокозаводы». («Газета wyborcza», 28 февр.)

- «Появление на рынке «грязной» соли в качестве пищевой обнаружила еще в 2003 г. финансовая разведка. Но прокуратура прекратила следствие, так как подозреваемые фирмы уничтожили документы (...) Источником прибыли аферистов была разница в цене: тонна технической соли стоила (в зависимости от времени года) 115–215 зл., в то время как тонну пищевой соли можно было продать за 240–380 злотых. В процессе подделки техническую соль подсушивали и пересыпали в мешки с надписями “соль поваренная” или “соль пищевая”». (Войцех Чухновский, Яцек Ковальский, «Газета wyborcza», 5 марта)

- «Санэпиднадзор приостановил продажу более 12 тонн продуктов, в которые добавлялась техническая соль, но не хочет раскрывать их названия». («Газета wyborcza», 6 марта)

- «В познанской лаборатории Санэпиднадзора был проведен анализ пяти образцов соли. В частности, они были исследованы на содержание металлов, нитратов и сульфатов. «Результаты не дают оснований говорить о возможности отрицательных последствий для здоровья в случае употребления в пищу продуктов, при изготовлении которых использовалась исследованная соль», — заявил великопольский государственный санитарный инспектор Анджей Трибуш. Однако он обратил внимание, что соль эта не соответствует санитарным нормам и не должна использоваться для производства продуктов питания». («Жечпосполита», 7 марта)

- «Вчера Чехия ввела запрет на импорт польской соли, а производители продуктов питания этой страны предостерегли от покупки наших товаров. Подобные предостережения появились также в Германии, Ирландии, Англии и Литве». («Дзенник — Газета правна», 7 марта)

- «Техническая соль, продававшаяся под видом пищевой, безопасна для здоровья — к такому выводу пришли эксперты Института ветеринарии в Пулавах. Теперь следствие переqualифицирует обвинение, предъявленное пяти

подозреваемым: их будут судить не за введение в оборот вредных пищевых веществ, а, вероятно, за торговлю поддельными продуктами». («Жечпосполита», 8 марта)

- «Я ехал из Сувалок в Зелену-Гуру поездами «Regio» и TLK. Пока ехал, покрылся слоем пыли. Проводник сказал, что вагоны уже старые, 40-летние, — в этом всё и дело. Пришлось ответить ему, что я в два раза старше, но при этом моюсь ежедневно», — Станислав Тым. («Политика», 29 февр. — 3 марта)

- «Железнодорожная катастрофа. По меньшей мере 16 человек погибли, 58 ранены (...) Столкновение двух поездов [под Щекоцинами] произошло в субботу в 20.57». («Жечпосполита», 5 марта). «[Поездные] диспетчеры всё больше обременены дополнительными обязанностями (...) «Железной дорогой управляют менеджеры, которые пришли к выводу, что если между поездами есть 15 минутные перерывы, значит, [диспетчеры] могут в это время, например, подметать платформы или продавать билеты. Как будто диспетчерами они работают только заодно», — объясняет Александр Мотыка, председатель профсоюза поездных диспетчеров». («Жечпосполита», 6 марта)

- «Фирма «CWS-boco Polska» направила президенту (мэру) Варшавы петицию «Об улучшении стандартов общественных туалетов», подписанную более чем 2 тыс. человек, которая заканчивается словами: «Мы рассчитываем на Вашу поддержку и верим, что образ нашего города на международной арене имеет для Вас первостепенное значение»». («Газета wyborcza», 22 февр.)

- «Столичный суд постановил, что банк «Pekao S.A.» унижил достоинство клиента, отказав ему в праве воспользоваться туалетом. Суд потребовал, чтобы банк принес извинения и выплатил компенсацию в размере 7,5 тыс. злотых». («Газета wyborcza», 7 марта)

- «Продажа водки по-прежнему падает. В 2011 г. поляки потратили на крепкие алкогольные напитки на 450 млн. злотых меньше, чем за год до этого». («Жечпосполита», 21 февр.)

- «Целых 45% поляков опасаются за свое психическое здоровье (...) Председатель Польского психиатрического общества проф. Януш Хейцман сообщил, что в 1990-2004 гг. число людей, лечащихся от психических расстройств, увеличилось на 131%». («Жечпосполита», 23 февр.)

- «За последние 20 лет средняя продолжительность жизни польских мужчин выросла почти на 6 лет и составляет немногим больше 72 лет (...) итальянцы доживают до 79 лет, немцы — почти до 78 ми, а чехи — до 74-х. Поляки в среднем живут на 8,5 лет меньше, чем польки, в то время как на Западе такая разница составляет в худшем случае 4-5 лет». («Дзенник — Газета правна», 8 февр.)

- «Варшавский апелляционный суд сделал вчера замечание Институту национальной памяти (ИНП) за люстрацию Томаша Туровского. Так можно интерпретировать оправдательный приговор, вынесенный бывшему послу в Москве и офицеру разведки (...) Суд рассматривает еще 22 люстрационных дела в отношении бывших дипломатов, которые сотрудничали со спецслужбами ПНР или работали в них. Неизвестно, кто из них, подобно Туровскому, работал впоследствии в разведке независимой Польши». (Войцех Чухновский, «Газета wyborcza», 28 февр.)

- Св. Петр душе, стоящей у врат небесных: «В «Газете wyborczej» пишут, что ты был хорошим. В «Жечпосполитой» — что плохим. Сойдемся на чистилище», — Анджей Млечко. («Политика», 7-13 марта)

- «Адвокат Петр Роговский, представляющий интересы «Агоры» [издателя «Газеты wyborczej»], обратился в комиссию Сейма по этике с просьбой обязать Ярослава Качинского выполнить вступивший в силу приговор суда (...) Председатель «Права и справедливости» (ПиС) уже больше полугода игнорирует решение суда, согласно которому он должен извиниться перед «Газетой wyborczej» (...) В июле 2011 г. был вынесен окончательный приговор. Бывший премьер-министр должен был в течение семи дней дать объявление в газете «Жечпосполита» (...) Однако после того как комиссия по этике попросила его объясниться, Качинский (...) посоветовал «Агоре» возбудить против него дело о принудительном взыскании». («Ньюсуик-Польша», 13-19 февр.)

- «Согласно опросу ЦИОМа, целых 64% поляков отрицательно оценивают работу Сейма. Лишь каждый пятый опрошенный оценивает ее положительно». («Жечпосполита», 17 февр.)

- «Туск проиграл в суде Госевской. Воеводский административный суд признал справедливым иск Ядвиги Чарноленской-Госевской, матери покойного Пшемислава Госевского, обвинившей премьер-министра Туска в бездействии при передаче России следствия по делу о крушении Ту 154М, при котором погибли польский президент с

супругой и сопровождавшие их 94 человека». («Газета польска цодзенне», 24 февр.)

- «Согласно опубликованному 20 февраля опросу ЦИОМа, Туску доверяют 44% поляков — на 5% меньше, чем в январе. На 7% увеличилось число тех, кто ему не доверяет, — теперь их 39%». («Газета wyborча», 21 февр.)

- «Опрос TNS ЦИМО показал, что работу правительства отрицательно оценивают 70% респондентов (на 7% больше, чем в январе), а положительно — 23% (на 7% меньше, чем в январе). Никто из опрошенных не оценил правительство однозначно положительно. Действия премьера плохо оценивают 63% поляков (на 6% больше, чем в январе), хорошо — 28% (падение на 7%), очень хорошо — 1%». («Жечпосполита», 15 февр.)

- «Каждое изменение, предлагаемое министерством юстиции или всем правительством, встречается с огромным сопротивлением всевозможных групп интересов. А люди, поддерживающие модернизацию, и те, кому эти изменения могут принести пользу, остаются пассивными. В результате правительство оказывается одиноким в борьбе с группами, которые защищают свои вредные для остального общества привилегии», — министр юстиции Ярослав Говин. («Жечпосполита», 28 февр.)

- «Анна Коморовская всерьез вступила в политическую игру. Она приняла участие в консультациях со всеми политическими партиями по вопросу повышения пенсионного возраста. А поскольку реформа больше всего коснется женщин, голос Анны Коморовской помогает улучшить образ президента как политика, ищущего компромисс». (Йоанна Мизёлек, «Польска», 17-19 февр.)

- Согласно опросу TNS ЦИМО, проведенному 1-4 марта, «Гражданскую платформу» (ГП) поддерживают 29% поляков, ПиС — 22%, Движение Паликота — 12%, Союз демократических левых сил (СДЛС) — 9%, крестьянскую партию ПСЛ — 5%. Затруднились с ответом 18% опрошенных. («Газета wyborча», 7 марта)

- «По-прежнему существует разделение [общества] на две части: национально-консервативную (...) и открытую к новым идеям, демократическим системным решениям, терпимую», — проф. Анджей Фришке. («Пшеглэнд», 19 февр.)

• «Новые общественные движения, сосредоточенные на нематериальных ценностях, развиваются в среде неплохо образованных людей 20–30 лет с определенными общими, важными с социологической точки зрения чертами. Их объединяет мир интернета с характерным для него языком, а также ощущение закрытых возможностей при достаточно честолюбивых, пробудившихся ранее стремлениях. Этих людей невозможно интегрировать в прежние структуры (...) Я имею в виду миллионы людей, окончивших вузы или продолжающих учиться. Впереди у них — перспектива пополнения рядов нового пролетариата. В определенном смысле их положение даже хуже, чем у старого пролетариата: молодого человека индустриальной эпохи ожидало место у токарного станка, на складе, в котельной, а теперь — сплошная неизвестность (...) Они уже осознают, что образование не обеспечит им продвижения по общественной лестнице. Как, впрочем, и успеха на рынке труда», — проф. Яцек Рациборский. («Пшеглэнд», 4 марта)

• Знаменитости — новая общественная группа. После актеров и их детей в мир знаменитостей с энтузиазмом входят спортсмены, журналисты, ведущие прогноза погоды и бизнесмены. А также их жёны и девушки. Многие знаменитости, как и полагается представителям высшего света, могут похвастаться своим происхождением. «В восьмидесяти случаях из ста они происходят из т.н. хороших семей», — замечает проф. Ханна Пальская. Основное занятие знаменитостей (в этом они опять напоминают светских львов минувших дней) — бывать. Нужно быть на презентации нового клипа, автомобиля или духов, на показе мод, на вручении призов. Там уже ждут фоторепортеры. Самая большая прибыль для знаменитости — это продажа своего образа в рекламных целях. От традиционного высшего класса знаменитостей отличает отсутствие подлинного общественного уважения. (Агнешка Рыбак, «Жечпосполита», 21–22 янв.)

• «Чтение в традиционном понимании (...) в неслыханном темпе вытесняется чтением онлайн (...) Как выглядит культура онлайн? (...) Ее определение дал (...) Мануэль Кастельс: «Это культура денег и трудоголизма, культура чрезмерного потребления в поисках мгновенного удовлетворения и отказ от общественной и гражданской активности в пользу индивидуальных достижений и инструментальных отношений» (...) Статистически поколение, выросшее на книгах, все еще достаточно многочисленно, чтобы создавать иллюзию, что мир нормален. Но это иллюзия. Новое

поколение, именуемое «Born Digital», росло перед монитором», — Лукаш Голембевский («Жечпосполита», 3-4 марта)

- «Владелица познанского клуба «Cuba Libre» должна принести извинения цыгану за то, что его не пустили внутрь из-за этнического происхождения (...) Хельсинский фонд по правам человека заявил, что поможет Адаму Гловацкому написать исковое заявление. Вчера суд обязал владелицу извиниться перед Гловацким и заплатить 10 тыс. злотых в пользу Великопольского культурно-просветительского общества польских цыган». (Сильвия Салавацкая, «Газета wyborcza», 1 марта)

- В начале февраля Генрик Павелец, бывший командир конной разведки одного из самых знаменитых партизанских отрядов «Выбранецкие», был исключен из Всемирного союза бойцов Армии Крайовой. Причиной исключения стало то, что Павелец выявил факты убийства евреев отрядом «Выбранецкие». («Тыгодник повсехный», 11 марта)

- «Это были еврейки из щучинского гетто в возрасте от 15 до 30 лет. В августе 1941-го местные жители «отдали их напрокат» на садовые работы. А потом зверски убили. Спустя 71 год после убийства [в Бзурах] Белостокский ИМП возбудил по этому делу следствие (...) Погибли 20 женщин (...) В документах говорится о по меньшей мере шести убивших их мужчинах (...) Белостокский ИМП ведет и другие следствия по делам о еврейских погромах, совершенных поляками (...) 7 июля 1941 г. в Радзилове (...) было убито от ста до тысячи человек (...) 5 июля 1941 г. в Вонсоше погибло более ста евреев». (Агнешка Домановская, «Газета wyborcza», 6 марта)

- «Жаркие споры вызвал документальный фильм Павла Сегера (...) Фильм начинается с кадров, снятых в нацистском концлагере Аушвиц-Биркенау (...) В 1945-1948 гг. этот лагерь был разделен на две части: Бжезинка находилась в ведении НКВД, а Освенцим — [польского] министерства госбезопасности. Там сидели, в частности, жители Силезии и окрестных деревень, прежде всего бойцы АК (...) Больше всего эмоций вызвало название фильма: «Польские концлагеря» (...) Сегодня невозможно установить точное число послевоенных лагерей (...) Принято считать, что их было более 500. Через них прошло 200-500 тыс. человек (...) В них применялась изощренная система наказаний по образцу немецких концлагерей (...) По данным Сегера, в послевоенных лагерях умерло или было убито 30-50 тыс. человек». (Иоанна Босаковская, Иоанна Пшон, «Газета wyborcza», 23 февр.)

- «Фракция Немецкого меньшинства внесла в Опольский воеводский сеймик проект резолюции о (...) резне, учиненной красноармейцами на территории бывшей немецкой Силезии (...) Проект напоминает также о десятках тысяч силезцев, вывезенных в шахты СССР, откуда большинство не вернулось (...) Однако депутаты от остальных фракций пока что отклоняют проект (...) Дариуш Бычковский (ПиС): «...Пусть силезцы из Немецкого меньшинства осудят убийства как Красной армии, так и Вермахта». (Иоанна Пшон, «Газета wyborча», 2 февр.)

- 1 марта — Национальный день памяти «прóклятых солдат». В этот день в 1951 г. сотрудники министерства госбезопасности расстреляли руководство IV Отдела объединения «Свобода и независимость». Это была гражданская организация. Ее полное название звучало: Движение сопротивления без войны и диверсий «Свобода и независимость». («Жечпосполита», 29 февр., «Газета wyborча», 29 февр. и 2 марта)

- «В Польше послевоенные судьбы партизанского отряда Юзефа Курася (кличка Огонь) исследует Мацей Коркуть (...) в то время как работу словацких исследователей координирует Любомир Дурина (...) Для польского историка Курась — овеянный славой лидер антикоммунистического подполья, отважно сражавшийся с «народной властью». Между тем словацкий историк считает, что отряд Огня был просто бандой. Правда, на его знаменах были начертаны лозунги борьбы за свободную Польшу, но заодно он терроризировал гуральские сёла, грабил и убивал невинных людей, осуществлял программу этнических чисток, ненавидел словаков, русинов и евреев». (Лешек Конарский, «Пшеглэнд», 4 марта)

- «31 января 1946 г. в лесу близ деревни Пухалы-Старе в подлясской гмине Бранск отряд Национального военного объединения под командованием капитана Ромуальда Райса (кличка Бурый) убил 30 возниц. Все они были православными белорусами, самому старшему было 60, младшему — 16 (...) Рейд начался вечером 28 января 1946 г. (...) В течение трех дней отряд расстрелял и сжег живьем 80 человек. Все жертвы были белорусами православного вероисповедания (...) В 1949 г. (...) Бурого приговорили к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение. В 1995 г. суд Варшавского военного округа (...) признал приговор недействительным. Семье Бурого была выплачена компенсация. В феврале 2011 г. парламент принял, а президент подписал закон о празднике «прóклятых солдат». (Михал Болтрык, «Пшеглэнд православный», март)

- «Помимо официальных торжеств действовал также Общественный комитет празднования Дня памяти «проклятых солдат» (...) В Варшаве в манифестации, организованной, в частности, партией «Национальное возрождение Польши», приняли участие националисты и болельщики (...) Торжества и манифестации, организованные ультраправыми и националистами, прошли также в других городах». (Томаш Ужиковский, Гжегож Лисицкий, «Газета wyborcza», 2 марта)
- «В пятницу Сейм почтил память «проклятых солдат» минутой молчания (...) В зале не было части депутатов от Движения Паликота и СДЛС, что возмутило представителей правых партий». («Жечпосполита», 3-4 марта)
- «Инсценировка битвы при Ольшинке-Гроховской 25 февраля 1831 года. Более 200 энтузиастов приняли участие в представлении в Рембертове (...) В настоящей битве погибло свыше 20 тыс. человек». («Жечпосполита», 3-4 марта)
- «Никогда еще польская армия не была столь малочисленна — в ней менее 96 тыс. штатных мест. Только за прошлый год в отставку вышли 7,4 тыс. солдат и офицеров (...) Неизменным остается лишь число генералов и полковников — почти 1600 (...) Впервые полицейских стало больше, чем военных». (Роберт Зелинский, «Дзенник — Газета правна», 6 марта)
- «Польша хочет завершить военную миссию в Афганистане в 2014 году. Однако она намерена сохранить свое присутствие на Гиндукуше. Об этом заявил вчера в Кабуле президент Бронислав Коморовский (...) Сейчас в Афганистане несет службу 10 я смена польского контингента. Около 2,5 тыс. солдат и сотрудников находятся в Афганистане, а 200 человек — в Польше». («Дзенник — Газета правна», 7 марта)
- «Поляки взяли в плен непосредственного виновника гибели пятерых наших солдат в Афганистане 21 декабря прошлого года, а также связанного талибов с командованием повстанцев». («Газета wyborcza», 16 февр.)
- В понедельник израильская армия уничтожила древний резервуар с водой в деревне Рахава в Палестинской автономии. Резервуар был отремонтирован Польской гуманитарной акцией (ПГА) за деньги польских налогоплательщиков, выделенные нашим МИДом. ПГА отремонтировала 20 подобных резервуаров. Министр иностранных дел обратился к Израилю с просьбой предупредить польские власти в случае дальнейших

действий по разрушению других резервуаров. («Газета выборча», 17 февр.)

- «“Израиль не будет разрушать «польские» резервуары. Дабы в дальнейшем избежать подобных инцидентов, буду признателен, если Вы пришлете мне список польских проектов”, — написал посол Израиля Цви Равнер председателю ПГА Янине Охойской». («Газета выборча», 7 марта)

- «Президент Бронислав Коморовский прибыл в Литву по случаю Дня независимости. Однако еще до начала торжеств он поехал напрямик в польскую гимназию в Шальчининкае. Этот визит не был согласован с литовской стороной, которую о нем лишь известили (...) Во время встречи с польскими активистами в актовом зале гимназии президент нарисовал два сценария. Первый — оптимистический: [литовское] государство будет поддерживать польское меньшинство. Второй — пессимистический: оно будет притеснять поляков. «И в том и в другом случае мы справимся!» — подчеркнул польский президент (...) Бронислав Коморовский встретился с президентом Далея Грибаускайте. Выступая на торжествах перед Президентским дворцом в Вильнюсе, он говорил, что независимость, которую Литва и Польша обрели в 1918 г., и спор о границе «породили прискорбные раздоры между нашими народами». Однако в 1989 и 1990 гг. «мы обрели независимость вместе, солидарно, а не друг против друга»». (Петр Косцинский, Роберт Мицкевич, «Жечпосполита», 17 февр.)

- Согласно опросу ЦИОМа, деятельность президента Бронислава Коморовского положительно оценивают 65% поляков, а отрицательно — 22%. («Жечпосполита», 17 февр.)

- «“В последние годы Польша и Россия сумели установить диалог, который должен решить трудные вопросы и наладить сотрудничество”, — сказал президент Бронислав Коморовский в телефонном разговоре с новоизбранным президентом Владимиром Путиным. Коморовский поздравил Путина с победой на президентских выборах». («Газета выборча», 9 марта)

- «Окружной суд в Новом-Сонче согласился выдать России бывшего заместителя прокурора Московской области Александра Игнатенко (...) Игнатенко обвиняется в пособничестве нелегальным казино. Он был задержан 1 января в районе Закопане на основании ордера на арест, выданного Интерполом». («Газета выборча», 9 февр.)

- «Польских парламентариев не пустили в Белоруссию. Шестерым депутатам из комиссии Сейма по связям с поляками зарубежья было отказано во въезде без объяснения причин». («Жечпосполита», 22 февр.)
- «Посол Польши и представители ЕС должны покинуть Минск (...) Решение белорусских властей официально объясняется санкциями, наложенными Евросоюзом». («Жечпосполита», 29 февр.)
- «Гарнизонная православная церковь будет построена через четыре года. Строительство вызывает неоднозначную реакцию (...) «Мы не планируем никаких русских луковок, — категорически заявляет полковник Алексей Андреюк, пресс-секретарь Православного ординариата Войска Польского. И добавляет: — Мы — Польская православная Церковь, и не надо связывать нас с Россией» (...) В Польше живет около 500 тыс. православных (...) Сообщения о строительстве вызвали споры (...) Публицист «Нашего дзенника» и радио «Мария» Юзеф Шанявский в одной из своих статей написал, что строительство православного собора — элемент исторической политики в интересах России». (Томаш Ужиковский, «Газета wyborcza», 16 янв.)
- «Согласно докладу Католического информационного агентства (...) финансовая помощь, выделенная Церкви из госбюджета в 2011 г., составила около 493 млн. злотых, в т.ч. страхование священнослужителей (...) обошлось в 89 млн. (...); дотации для церковных вузов — в 222 млн.; военный ординариат — более чем в 20 млн.; зарплата капелланов: больничных — в 3 млн., тюремных — в 2,5 млн., пограничных — почти в 850 тыс., пожарной охраны — почти в 750 тыс., полицейских — в 440 тыс., Бюро охраны правительства — в 150 тыс.; дотации ЕС на памятники архитектуры — приблизительно в 27 млн.; «Каритас» — в 5,5 млн. В эту сумму (493 млн. злотых) не включены зарплаты священников-катехизаторов, работающих в школах». («Жечпосполита», 28 февр.)
- «В книге «Три Святейшие Гости», изданной в Познани в 1926 г., приведена легенда об осквернении в Средние века Святых Даров познанскими евреями, о чудесном спасении гостей и возведении на месте их обретения храма. Спустя 86 лет книгу переиздало издательство «Верс», известное своими антисемитскими публикациями. Ее можно купить в католическом книжном магазине «Sursum corda» им. Иоанна Павла II. Презентация книги состоялась в приходе Тела

Господня при участии настоятеля». (Станислав Засада, «Тыгодник повшехный», 26 февр.)

- «Иисус не занимался деньгами, у Него был для этого специальный человек — Иуда (...) Нам уже известно, что Иисус был очень хорошо одет. Непосредственно перед распятием на Нем был такой ценный хитон, что римские солдаты решили не раздирать его, а бросить о нем жребий», — о. Фабиан Блашкевич, иезуит. («Тыгодник повшехный», 11 марта)

- «“Прими обручальное кольцо — знак того, что ты обвенчана со Христом”, — сказал епископ (...) С Христом обвенчались уже 150 полек. Тем самым они пополнили число дев, навеки посвятивших свою жизнь Богу (...) За последние два десятилетия в краковской епархии было посвящено 17 женщин, в частности художница, окончившая Академию художеств, архивариус и психолог. В этом году к посвящению готовятся десять кандидаток. Среди них есть бухгалтер, врач, медсестра и несколько совсем молодых девушек, только что закончивших вузы. В Варшаве посвященных дев 15, в Пельплине — 8, в Ломже — 6, в Люблине — 3». (Майя Каим, Даниэль Маркевич, «Впрост», 13-19 февр.)

- «Младенец на помойке. На дверном коврике. В выгребной яме. В печи (некоторое время оттуда слышался писк). Самое трагическое в таких сообщениях — их повторяемость (...) В настоящее время число детоубийств составляет около 40 в год (...) После запрета абортос число детоубийств упало, однако выросло число подкидышей. В 2000 г. их было 79, в 2009-м — 106. Ежегодно несколько из них умирают. Выросло также число детей, оставляемых в роддомах. Каждый год матери оставляют там около 700 новорожденных». (Барбара Петкевич, «Политика», 22-28 февр.)

- «Я вне себя от ярости — ведь они безнаказанно стреляют в кого попало. Гибнут орлы, волки, зубры. 18 февраля сотрудник Комитета защиты орлов Роберт Крушик сообщил, что в Силезии найден мертвый беркут (...) Он был выпущен на волю в 2011 г. в рамках осуществляемой на территории Чехии программы по восстановлению этого вида (...) На беркуте были спутниковый и радиопередатчик (...) Вскрытие обнаружило в его теле восемь дробинок (...) По данным КЗО, в 1993-2011 гг. В Польше было убито 26 орланов-белохвостов, 3 беркута и 13 скоп (...) В Польше живет всего около 30 пар беркутов», — Адам Вайрак. («Газета выборча», 28 февр.)

- В Висле-Велькой под Пщиной «мужчина натаскивает гончих собак на диких зверей, содержащихся в клетках (...) Кабаньи

законы существуют официально, рекламируются в интернете (...) Они легальны (...) Экологи в шоке (...) Яцек Божек из клуба «Гайя»: «...Даже во время убоя нельзя причинять страданий (...) Мы передадим это дело в прокуратуру»». (Малгожата Гослинская, «Газета выборча», 1 февр.)

- «В Скарышеве началась крупнейшая и старейшая в Европе конная ярмарка. Против жестокого обращения с животными протестует фонд «Тара» (...) «Хотя организаторы ярмарки обеспечили места для водопоя лошадей, торговцы не приводят туда животных. Лошадей держали на коротком поводу, ограничивая их движения», — перечисляет Ивона Косинская из фонда «Тара». На деньги от пожертвований волонтеры выкупили десять лошадей, которых должны были отправить на бойню, и организовали манифестацию (...) В ответ их осыпали бранью». (Малгожата Русек, «Газета выборча», 28 февр.)

- «15 марта по улицам Варшавы пройдет марш в защиту пчел. Пчеловоды со всей Польши (...) хотят обратить внимание государственных властей и общества на роль медоносной пчелы в экосистеме, на массовое вымирание пчелиных семей и ухудшающееся положение пчеловодов и пчеловодства». («Жечпосполита», 6 марта)

- «Деревообрабатывающая отрасль требует, чтобы министр экономики подписал распоряжение, запрещающее энергетике сжигать древесину, которую можно использовать в промышленности». («Жечпосполита», 5 марта)

- «Теплоэлектростанция в Белхатове выбрасывает в атмосферу самый большой в ЕС объем углекислого газа, но производит самую дешевую в Польше электроэнергию». («Газета выборча», 9 марта)

- Польша наложила вето на европейскую климатическую политику. После продолжавшихся весь день дипломатических усилий министр охраны окружающей среды Мартин Королец заблокировал соглашение об уменьшении выбросов углекислого газа после 2020 года. Это вызвало резкую критику со стороны экологических организаций. («Жечпосполита», 10–11 марта)

- «“Соответствующая процедурам разведка сланцевого газа не наносит вреда почве, воздуху и воде”, — к такому заключению пришли специалисты Государственного геологического института (...) Эксперты ГГИ изучали состав воды, почвенного воздуха и самой почвы перед гидроразрывом [на глубине более 4 км], во время его проведения и [непосредственно] после

окончания. Работы не вызвали загрязнения воздуха, не повлияли на качество поверхностных и подземных вод и не привели к уменьшению запасов подземных вод в районе скважины». (Анджей Кублик, «Газета wyborcza», 3-4 марта)

- «95% жителей гмины Мельно, участвовавших в референдуме, высказались против строительства АЭС в Гонсках. Проголосовали 2382 человека, т.е. явка составила 57%. 2246 человек выступили против АЭС». («Газета wyborcza», 14 февр.)

- «Ежегодно уполномоченный по правам человека получает 50-60 жалоб от жителей, чьи земельные участки были охвачены одной из форм охраны природы. Они пишут откровенно: органы местного самоуправления ограничивают право собственности». (Томаш Жултык, «Дзенник — Газета правна», 28 февр.)

- «У нас есть свободное польское государство, которое может нам не нравиться, может быть несовершенно, но, в конце концов, много поколений поляков боролись за эту свободу. И после стольких лет я ее дождался. Я победил», — Веслав Хшановский, участник Варшавского восстания, бывший политзаключенный, бывший председатель Христианско-национального объединения, маршал Сейма 1 го созыва. («Жечпосполита», 18-19 февр.)

- «Мне кажется, мировая драма близится к концу. Мир и наша действительность не могут растянуться до бесконечности. Признаки конца можно заметить и в природе, на что обычно не обращают внимания», — Славомир Мрожек. («Тыгодник повшехный», 26 февр.)

Габриэль Леонард Каминский

РОТ: НОВЫЙ ЗАВЕТ

ОТ АВТОРА

Основной образный и смысловой костяк этой книги сложился за одну ночь с 5 на 6 октября 1985 года.

Тогда я писал работу о талмудических мотивах в творчестве Болеслава Лесьмяна. И незадолго до этого я прочитал дневник, который вел в гетто доктор Черняков^[1].

Всё это родило творческое напряжение, царившее в атмосфере той удивительной октябрьской ночи. Я хотел своей поэтической интуицией почувствовать то «время после гибели». Те места, где молча встречались человеческие тени, страх и эта пронзительная тишина, те места, где когда-то жили люди. Потом я дописывал остальные стихи.

В дальнейшем эти тексты разделяют судьбу необычных проектов.

Стихотворения «Рот», «Сеанс бессонницы», «Моше», «Меир», «Маленькая Хане» победили на национальном конкурсе, объявленном Бяло-Подляским Домом Культуры. Часть этих «еврейских хайку» была опубликована на страницах еженедельников «Нива Бялостока» и щецинском «Може и земля» («Море и земля»).

Эти стихи — дань памяти непростому времени, в которое мрачным и кровавым деяниям человека содействовала земная пелена забвения.

ПРОЛОГ

Если войдешь во тьму этой Книги,
станешь ясностью.

Если захочешь вчитаться в стихи,
станешь прочитанным.

Если увидишь подле нее чужого,
укажи ему путь в глубину этого мира.

Не поворачивайся к нему спиной,
даже когда он заговорит
иным языком, чем говорит Танах

КАБАЛА

Развязываешь узлы бесчувственных слов
неясного знания,
в то время как они
непрестанно выпутываются
из мудрости Талмуда.

ВСЕСОЖЖЕНИЕ

Сожжены их дома.
Втоптан их мир в землю.
Превращены в факелы
дети и жены.

И до сих пор
восстают из пепла.

СИНАГОГА

Умирает посреди растекшегося города.
Улицы стелются тенями
по ее усталым ногам.

Ицхок сшивает одеяла —
ночью пытается ими укрыть
ее окаменевшие раны.

ЕВРЕЙСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Следы на каменной меноре заросли молчаньем.
Мы пришли окурить память,

чтоб не кусала совесть.

Стоим у стены недвижимо.

Кто-то разговаривает с тенью.

Умираем на площадях, оставляя их

Себе.

ПОМЕШАННЫЙ

Он увидел во сне всю свою семью.

(Переходили они Иордан, не замочив ног).

А наяву он видит полосы тени,

что осыпаются

бесплотной пепельной пылью

на белизну страниц

ненаписанной Книги.

КАДИШ

Мама, приди ко мне во сне.

Отец, не забудь завить пейсы.

Маленькая Теме, бей в барабан стола.

Когда наконец достигнете

моего Ковчега Завета,

чтобы примириться с миром

живых и умерших.

СЕАНС БЕССОНИЦЫ

Когда опускается темнота, Шмуль превращается

в тонкую линию страха.

Освобождает пружины кровати, падая в глубину

собственной тени.

Только перед рассветом он выпускает родных
из памяти.

Он говорит им вслед, умоляет,
чтобы они остались с ним
до следующей бессонной ночи.

МОШЕ

Он скитался со швейной машиной
от пустыни Гоби до самого Синая.

Повсюду вышивал свои просьбы:

«Яхве, забери меня к себе,
возьми мой наперсток,
обрати против меня иглы
отдай мне только косу
моей Рахели».

ХЕДЕР

Сидят над Талмудом,
как над полотном.

За стеною шьют воздушные одеяния
пророкам.

Внешний мир сейчас похож
на одеяло.

Невнятное молчание сменяет
Белизну полотна и страх иглы,
когда кончается нитка
и приближается конец ее света.

МЕНДЕЛЕ

Силится вспомнить, какая была
фата у его Эстер.
Отмеряет локтем изношенную материю,
вешает на окно.
Ждет, пока ветер развеет белизну,
а дым из каминов соткет
идуший следом парад теней.
Когда они шли на свадьбу, вокруг полыхал
мир.

МАЛЕНЬКАЯ ХАНЕ

памяти всех детей
У нее забрали семимильные сапоги,
и она ходит в деревянных сандалиях.
Отобрали реку, лес и седьмую гору.
Даже гребень, который она хотела бросить через
плечо.
Теперь она стоит у окна барака.
Со страхом прячет в полуприкрытых глазах
тень стеклянной горы.

ЭРСЕК

Не боится ни горящих домов,
ни кирпичных стен, отделяющих
гетто от города,
ни пепельных профилей своих близких,
трущихся о явь или сон.

Теперь он спит с открытыми глазами.

РОТ

Всю войну он укрывался
в погребѣ.

Потом уехал в Америку.

У него умница жена, прекрасные дети,
новый дом — десять комнат, бассейн
и две ванных.

Но он каждый вечер
возвращается в погреб.

ПУАНТИЛИЗМ

Неспешно покидают этот мир:

Ариэль, Йоханан, Либуш.

Вырастают на глазах, когда их тени
вытягиваются от окон до самых дверей.

Уходят, сливаясь в одно непроницаемое пламя
темноты.

Мириам пытается отодвинуть от них окна и двери.

Потом она будет кисточкой собирать
рассыпанные позвонки сумерек
в один круг, который можно прочесть,
круг запутанной пустоты.

МЕИР

Он снимает обувь перед синагогой,
возжигает менору, кружа
по темным каналам молитвы.

Освежает в памяти строки Талмуда
Вглядывается в безмолвный лик Яхве.

Сжимает губы, когда его тень дрожа
удлиняется. Он задерживает дыхание
и чувствует, как на спину
наваливается весь его до конца непонятный
мир.

Он выходит из святилища,
и на спине у него на один горб
больше.

СЧИТАЛКА

Он такой старый,
что забыл, когда родился.
Сейчас он считает тех, кто умер.
Ему уже не хватает пальцев на руках и ногах.
Изношенная память путает лица.

Но все равно он загибает пальцы, от первого до
последнего.

Забывает лишь о Себе.

ШИЙЛЕ

Он опустошил свою сокровищницу знаний.
Ему уже столько лет,
что он променял веру на равнодушную мудрость.
Нынче он передает тайную силу
Добра и Зла своим сыновьям.
Видит, как они молятся, а в глазах их страх,
высматривают знак.
Улыбка озаряет его лицо,
когда они заковывают себя в цепи скрытых чувств.

Он мягко кивает в ответ на их ученический страх —
выйти за границы мысли.

Он знает, что величие и ничтожество
можно сыграть только
на одной струне.

ЦЕЙДБОМ

Примиренный с миром,
он стоит на стуле, пытаясь впервые за много лет
открыть занавеску.

На секунду его поднимает ветер — он легкий, как
перышко.

Потом он соскальзывает к полу.

Хотел бы он забрать с собой
на тот свет эту разверстую тьму,
защитить разрыв, вокруг которого
сгрудился свет.

ХАИМ

В день его обрезания
Раввин объявил миру о конце его детства.
Тогда он обрил голову
и уселся с Талмудом на коленях.
До сих пор сидит, ожидая
рождения откровения:
небесных истин и их земных последствий.

СТЕНЫ ИЕРИХОНА

Им надоело скитаться по небу.
Усталые, они ищут для себя места

на земле.

Израильтяне, трубя в трубы,
возвещают их возвращение.

АГАСФЕР

Я, вечный скиталец жид, пустился в странствия,
когда ветер нагнал огня в оливковую рощу,
а гора Херон уже пресытилась кровью
жертвенных животных.

Затем вдруг всё стихло, и было слышно,
как Кибела сзывает гостей отпраздновать
примирение.

Голоса богов требовали от меня рассказа
о неизвестных им пророках.

Они не могли понять, что я сам
был этим сказанием, горящей рощей
и кровью жертвенных животных.

Я по край горизонта наполняю
ветер из четырех сторон света
эхом моих шагов.

НАХУМ

В шалаше я никого не нашел,
в палатке меня еще нет.

Где же я и был ли я вообще?

Яхве, скажи, когда наконец я вернусь?

Я так хотел бы выйти себе
навстречу!

РАВВИНЫ

Сидя на талитах,
читают кадиш по Морицу, Давиду, Йосефу —
а через минуту
будут спорить о вечности.

МЕНОРА

Я взбираюсь ей на плечо,
и проходит вечность
между одним взмахом руки и другим.
Я иду мимо семи свечей
и только одной жизни.

ЗАБОТА

Вся гмина говорит, Йохер
продал кому-то
одним махом весь мир?
Скажите, ребе, что же останется
мне?

КИДУШ

Боже, отдаю всю мою семью
Тебе.
Ей жертвую все, что я пережил.
Себе оставляю таинственную даль вселенной
и те огни свеч,
которых никто
не погасит.

РЕВЕККА

Вот она вышла из ритуальной купальни,

смыла с себя пот, страх и запах газа.

Возвращаясь домой,

увидела на чужой руке

свое обручальное кольцо.

РОТ — НОВЫЙ ЗАВЕТ

Боже, сделай так, чтобы я проснулся наутро живым,

чтобы мои Книги сохранили

свою предвечную мудрость.

Чтобы труба звучала чисто,

и чтобы в синагоге никто не поставил

против меня черной свечи.

Габриэль Леонард Каминский родился в 1957 г. во Вроцлаве. Автор шести сборников стихотворений. Русский перевод книги «ROTH — Nowy Testament» (2006) впервые опубликован (без авторского предисловия) в сетевом журнале «TextOnly», 2010, №2 (32).

-
1. Адам Черняков (1880—1942) — инженер, польский сенатор. С 1939 возглавлял юденрат Варшавского гетто. В 1942, узнав о планах депортации евреев из гетто в Треблинку, покончил с собой. — Пер.

ПОЛЬСКО-НЕМЕЦКИЙ МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ

Беседа с профессором филологического факультета Щецинского университета Катажиной Красонь, председателем оргкомитета Международной научной конференции по вопросам польско-немецкого межкультурного диалога

— Какой идеей руководствовалась ваша конференция?

— Мы стремились показать польско-немецкий межкультурный диалог с разнообразных точек зрения. С этой целью я пригласила ученых, представляющих различные области знания, в том числе специалиста по классической филологии, педагога, лингвистов, литературоведов и знатоков театра. В центре наших интересов был образ польской культуры, документированный в современной литературе немецкого языкового пространства, а также в прессе, театре и интернете, равно как и образ немецкой культуры в польской литературе и публицистике, театре и интернете.

— Какие тематические пласты охватывала ваша конференция?

— Она охватывала много тематических пластов. На ней нашли себе место, в частности, немецкие темы и мотивы в современной польской литературе либо польские — в литературе немецкоязычного пространства XX-XXI веков, отсылки к источникам европейской культуры: к древнегреческой и древнеримской мифологии и к Библии — в современной польской и немецкой литературе. Были, помимо этого, темы, связанные с переводом как встречей двух культур, а также стереотипами поляка и немца, функционирующие в исследуемых нами языковых пространствах. Кроме того, мы занимались языковыми обычаями в Германии и Польше, ибо, как считал Вильгельм фон Гумбольдт, язык — зеркало нашей культуры. Среди предложенной нами тематики фигурировали также взаимные культурные влияния, в частности польские — в бассейне Рура или на других территориях Германии и немецкие — например в Западном Поморье, Вармии и Мазурах, а также на других территориях Польши, или же взаимное восприятие произведений искусства в XX-XXI веках.

Думаю, что программа конференции в значительной степени была осуществлена, хотя я и не заметила среди ее участников заинтересованности интернетом как средством массовой коммуникации. Обычно они концентрировались на произведениях искусства — литературе и театре. Выступления отдельных докладчиков побуждали участников конференции к интересным дискуссиям.

Я ставила перед собой еще и иную цель. Хотелось завязать более широкое сотрудничество с немецкими научными центрами. Точнее говоря, речь шла о том, чтобы такие конференции проводились не только у нас, но и в Германии, где в последние годы растет интерес к польской культуре. Предварительные разговоры с немецкими партнерами закончились положительно. Не хочу еще делать окончательные выводы, однако надеюсь, что для систематического польско-немецкого сотрудничества есть шансы.

— Как долго продолжались приготовления к конференции?

— Свыше года.

— Будут ли следующие подобные конференции?

— Наверняка. Вероятно, нам не удастся провести такую конференцию в следующем же году. Необходимо сначала подготовить двуязычную книгу по итогам конференции с материалами заседаний этого года, которая выйдет под международной редакцией. Это будет научное издание, содержащее те доклады, которые получают положительные издательские рецензии. Думаю, что наша следующая конференция состоится в Германии. Мне бы самой этого хотелось.

— Какие известные ученые присутствовали на вашей конференции?

— Не хотелось бы никого обидеть, так как все ее участники были очень важны. Следовало бы упомянуть профессора Тамару Хойц из Майнца, выдающегося классического филолога; профессора Эльмара Шенкеля из Лейпцига, писателя и известного специалиста по английской литературе, занимающегося творчеством Конрада, а также еще двух человек, имеющих заслуги перед польской культурой: супружескую чету, магистра Янину Шарек и профессора Олафа Мюнцберга из Берлина, которые руководят там польско-немецкой сценой «Театр-студия на Зальцфуре». Большое впечатление произвел на меня доклад профессора Ульриха

Дрехселя из Грейфсвальда (связанного также с Институтом германской филологии Щецинского университета), где затрагивается проблема языковой асимметрии не только между языками (например польским и немецким), но и внутри немецкого языка. Своим присутствием удостоила нас также профессор Анеля Ксёнжек-Щепаникова из Седльце, которая прочитала интересный доклад о философском влиянии Эдмунда Гуссерля и Ганса-Георга Гадамера на образование по полонистике.

Пора подвести итоги нашей конференции. Считаю, что она была нужной, потому что дала возможность встретиться ученым из разных академических центров как в Польше, так и в Германии; нужной ввиду ее научного уровня, хотя не совсем подобает так говорить о конференции, которую я сама готовила. Оценку оставляю ее участникам.

Есть также смысл ответить себе на вопрос: какова польза, проистекающая из таких встреч? Мой ответ звучит следующим образом: благодаря им люди, которые говорят на разных языках и сформированы отличающимися культурами, получают шанс лучше познакомиться и вместе с тем поговорить на интересующие их темы, обменяться взглядами. Мы имели возможность убедиться в этом.

Беседу вел Лешек Вонтрубский

Катажина Красонь — профессор кафедры романской филологии Щецинского университета, в ее кандидатской диссертации рассматривалось творчество Тымотеуша Карповича, в докторской — польско-немецкий литературный перевод. На конференции представляла свои переводы на немецкий язык, выполненные совместно с Гансом Георгом Ортгеном.

БЕРЛИНСКАЯ РЕСПУБЛИКА И НАСТОЯЩИЙ КОНЕЦ ПОСЛЕВОЕННОЙ ЭПОХИ

В послевоенную эпоху Германия почти регулярно каждые двадцать лет претерпевала глубокую перемену. В 1949 г. были заложены фундаменты под два немецких государства: ФРГ и ГДР; в 1968–1969 гг. шел студенческий бунт, ставший предвестием демократизации и либерализации общества; в 1989–1990 гг. свершился процесс объединения со всеми его последствиями. По истечении еще одного двадцатилетия мы снова имеем дело с глубокими переоценками, в результате которых Германия окончательно прощается с послевоенной эпохой и ее аксиомами: обществом постоянного подъема, гомогенным национальным государством и верой в Европу как ответ на «германский вопрос». Коррекция курса не будет революцией. Но точно так же, как и в предыдущие цезуры, Германия становится другим государством и другим обществом, с которым Европе придется заново договариваться.

Сегодняшняя Германия — это страна с двойственным обликом. Экономисты банка ING (International Netherlands Group) оценили недавно финансовые выгоды Берлина, вытекающие из кризиса европейской валюты в течение последних трех лет, в 9 млрд. евро. Это результат доверия инвесторов к немецкой экономике, которое перелagается в низкие процентные ставки по государственным облигациям, иначе говоря, в сокращение до минимума издержек, связанных с задолженностью Германии на финансовых рынках. Германская экономика, нацеленная на экспорт и располагающая сильными структурами промышленного производства, намного лучше перенесла экономический кризис, чем экономика других стран. Процент безработных упал в октябре 2011 г. до рекордно низкого уровня в 6,5% (2,7 млн. человек оставались без работы). Экономическая сила страны находит отражение в политической: реформы в зоне евро проводятся по образцу германской экономической модели. Ничего удивительного, что вся Европа — одни с надеждой, другие с испугом — поглядывает на Берлин как на лишённого конкурентов гегемона в сотрясаемой всё новыми тектоническими ударами Европе.

С хорошими экономическими результатами контрастируют общественные настроения — далекие от успокоения, расслабленности и эйфории. Германия с беспокойством смотрит в будущее. Только 20% немцев выражали в конце 2010 г. доверие к правительству и парламенту, 44% были недовольны демократией (в 2000 г. — только 28%). «Огромный успех при продаже книги Тило Саррацина “Германия самоликвидируется”, предостерегающей от грядущего доминирования мусульман в стране, — это резкий и явственный сигнал плохого настроения и страха перед будущим», — утверждает известный политолог Клаус Леггеви. А ежедневная берлинская газета «Тагесшпигель» отмечала: «Что-то здесь не сходится. Дела в Германии идут относительно хорошо, но чувство несправедливости и неуверенности нарастает». В этих скверных настроениях можно, разумеется, видеть очередное подтверждение пессимистических наклонностей немцев или их опасения перед «трансфертным союзом», в котором более бедные европейцы станут проедать финансовые излишки Берлина. Но причины разительного несоответствия между образом Германии в Европе и тем, как себя воспринимают сами немцы, — несоответствия, которое, пожалуй, никогда не было столь отчетливым, — нужно искать глубже. Через двадцать лет после объединения ФРГ находится в важном поворотном моменте, который сопровождается проявлениями напряженности и опасениями. Без их понимания невозможно до конца понять амбивалентность образа сегодняшней Германии в Европе.

Кризис общества постоянного подъема

Страх немцев перед тем, что сгибающаяся под бременем долгов Европа раньше или позже перейдет на их содержание, — это не только выражение нежелания делиться богатством со странами, известными своей бесхозяйственностью. Его более глубокий источник лежит в социально-экономической реальности последнего десятилетия, которая бросает тень на превосходные показатели роста и торгового баланса. На исходе минувшего столетия Германия считалась *odd man of Europe* — страной, придавленной грузом социального государства и экономической неэффективности. Обновление и возрождение экономики, которое произошло в следующем десятилетии, имело разные источники. Одним из них было введение единой валюты, которая — благодаря стабилизации курсов, приспособленности (по крайней мере на раннем этапе) величины процентных ставок к потребностям германской экономики, а также буму потребления (в кредит) в странах европейского Юга — поспособствовала отличным результатам

германского экспорта в последние годы. Положительный эффект принесло также расширение ЕС на восток: экспорт был маховиком роста ВВП в стране. По сравнению с 2000 г. стоимость германского экспорта почти удвоилась. Если в тот момент экспорт и импорт взаимно уравнивались, то сегодня превышение экспорта составляет свыше 200 млрд. евро. Вторым фактором была сдержанность в требованиях по зарплате, которую проявляли работающие и профсоюзы. Оплата труда в Германии не росла — несмотря на рост продуктивности ее экономики — на протяжении всего этого десятилетия, лишь в 2010 г. было отмечено небольшое ее увеличение. Конкурентоспособность Германии на внешних рынках в очень большой степени основывалась как раз на относительно низкой стоимости труда. В-третьих, положительное воздействие оказали также реформы, внедренные еще правительством Герхарда Шрёдера в рамках пакета «Повестка дня-2010», датируемого 2003 годом. Их следствием была не только возросшая гибкость рынка труда, но и возникновение большого, охватывающего сегодня 4,6 млн. работающих (более 20% занятых) сектора низкооплачиваемых работ. Это позволило дополнительно укрепить конкурентоспособность немецких экспортных продуктов.

Что отсюда вытекает? Германский экономический успех последнего десятилетия в очень небольшой степени ощущался среди «рядовых» граждан либо работающих. Об этом свидетельствует не только застой заработных плат, но и прогрессирующее в этот период расширение «ножниц» между богатыми и бедными. Как показывают данные Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в Германии материальное неравенство росло быстрее, чем во всех других индустриально развитых странах. Конечно же, все, кто раньше не имел работы, воспользовались сокращением безработицы. Тем не менее качество большинства рабочих мест, которые возникли в результате структурных изменений на рынке труда, ничем не напоминает комфортных условий, известных из «рейнского капитализма». Очень часто это «мусорные трудовые договоры» — на ограниченное время и без социального обеспечения. Более того, изменения на рынке труда, вызванные реформами, глобализацией и преобразованиями в экономике, болезненно затрагивают не столько самых бедных, сколько во всё большей степени — средний слой. Угроза социальной деградации в результате потери работы или резкого сокращения доходов перестала быть чем-то нереальным. Сегодня «выпадение» с работы в таком секторе, где она хорошо оплачивается,

постоянна и обустроена разными видами гарантий и обеспечения, гораздо вероятнее, чем еще 10–15 лет назад.

Все эти явления представляют собой часть происходящих именно сейчас существенных переоценок, которые можно определить как кризис общества постоянного подъема. Послевоенная социально-экономическая система в Германии означала для всех граждан обещание непрерывного продвижения вперед, а также социальной интеграции. Идея, что благодаря собственным усилиям и образованию можно перепрыгнуть очередные ступени в общественной иерархии, а благодаря социальному государству и социальной рыночной экономике ослабляются разные виды социальной напряженности и выравниваются материальные различия, была частью мифа ФРГ, который формировал представления и систему ценностей нескольких поколений. В том, что этот миф — хотя бы отчасти — стал реальной действительностью, заключался успех ФРГ, об обществе которой привыкли говорить как о «социальном народе». Возникновение широкого среднего слоя, составляющего свыше 60% всего населения, было, пожалуй, наиболее отчетливым выражением этой эволюции. И гарантией социального мира, а также политической стабильности.

Кризис этой модели наглядно виден не только на рынке труда. Углубляющееся расслоение доходов истончило средний слой, измеряемый величиной доходов по отношению к ВВП. Если в прошлом к усилиям и изобретательности людей склоняла перспектива социального продвижения, то сегодня всё чаще таким мотором оказывается попытка сохранить статус, достигнутый родителями. Несомненно, это сильно воздействует на общественные настроения и порождает напряженность. Ее ареной стала, например, система образования, в которой представители средних слоев пытаются обеспечить себе привилегии (в виде раннего отбора учащихся и такого института, как элитарные гимназии) за счет более бедных и хуже образованных. Сегодня германская школьная система принадлежит к числу самых несправедливых в Европе (это означает, что образование детей в очень большой степени зависит от их происхождения). А в рейтинге социальной справедливости для стран ОЭСР, опубликованном в январе 2011 г. фондом Бертельсмана, Германия — вопреки высоким затратам на социальное государство — располагается не только позади скандинавских государств, но и ниже Франции и Великобритании.

Как мы видим, хорошие экономические показатели, которые производят впечатление в Европе, лишь ограниченно отражаются в социальной действительности. Германия, как и многие другие страны Западной Европы, затронута процессами социальной дезинтеграции. В обществе, сформированном на таких ценностях, как эгалитаризм, социальная безопасность и постоянный социальный подъем, это привело к кризису национального самосознания. Этот кризис еще сильнее обострился тем, что в то же самое время германское общество начало открывать для себя другую, долго не до конца осознававшуюся или же вытеснявшуюся черту — устойчивую многокультурность.

Спор о немецком национальном самосознании

За последнее десятилетие в общественной и культурной жизни существенную роль начало играть первое поколение так называемых постмигрантов, иначе говоря, не немцев по этническому происхождению, но рожденных и выросших в Германии. И прежде всего они считают себя немцами. Последние годы были также периодом интенсивной дискуссии о многокультурности и проблемах интеграции иностранцев, дискуссии, которая стала частью более широких европейских дебатов на эту тему. Начало им положили террористические акты 11 сентября 2001 г., а затем — смерть голландского режиссера Тео ван Гога от рук исламского фундаменталиста.

Сегодня в Германии проживает 15 млн. человек так называемого миграционного происхождения, и четверть из них — это мусульмане. 6,7 миллиона из них — иностранцы, у остальных — германские паспорта. Тот факт, что Германия уже многие десятилетия представляет собой страну иммиграции, очень долго не принимали к сведению германские политические верха. Иностранцев рассматривали как гостей, которые приехали в Германию на работу и после ее окончания вернутся в свои страны. Как известно, произошло совсем иное: огромная часть бывших гастарбайтеров не только осталась в Германии, но и — с согласия немецкого государства — привезла к себе семьи. Таким образом, прекращение вербовки зарубежных рабочих в 1973 г. не сдержало волну иммиграции, напротив — число иностранцев в последующие годы постоянно росло.

В результате того, что прочный характер этой иммиграции не был признан, государство не предпринимало никаких действий по интеграции приезжих. Если сегодня канцлер Ангела Меркель говорит о «полном фиаско мультикультурности», а книги вроде распроданного тиражом в

1,5 млн. экземпляров антиисламского бестселлера Тило Саррацина (бывшего политика СДПГ) сеют панику перед затоплением страны чужаками, то следует сказать одно: причиной этих проблем является вовсе не чрезмерная толерантность и подверженность иллюзии «мульти-культи», а продолжающаяся годами полная бездеятельность и отсутствие необходимого отклика. Достаточно привести всего лишь один пример: регулярные языковые курсы для иммигрантов были введены только в 2005 г. в соответствии с новым законом об иммиграции.

Тем не менее состояние дел с интеграцией иммигрантов не такое уж плохое, как можно было бы судить по многочисленным голосам критики. В Германии нет ни таких проявлений напряженности, как во Франции, ни параллельного иммигрантского общества в таких масштабах, как в Голландии или Великобритании, где активно практиковалась политика «мультикультурализма» (иными словами, умышленной и целенаправленной поддержки государством культурных и цивилизационных отличий). Конечно же, в таких больших городах, как Берлин, Бремен или Гамбург, напряженность и социальные проблемы в кварталах, заселенных по преимуществу турками или арабами, очень серьезны. Безработица среди иммигрантов в два раза выше, чем среди «коренных» немцев, значительно большая доля их детей не заканчивает школ, в иммигрантской среде выше преступность. И всё-таки показатели образованности и владения языком из поколения в поколение решительно улучшаются. Уже в течение нескольких лет германское государство проводит интеграционную политику, которая пользуется признанием международных организаций. Что же касается призрака полного затопления иммигрантами, то это полнейшее недоразумение. В Германии отрицательное сальдо миграции, то есть больше людей покидает эту страну, чем въезжает туда (в 2009 г. эта разница составляла 13 тысяч). Одним словом, причин бить тревогу а-ля Саррацин нет.

Итак, если сегодня в Германии проблемы иммигрантского сообщества составляют часть более глубоких переоценок всей ситуации, то касаются они не иммигрантов, а самих немцев. Открытие устойчиво многокультурного характера германского общества неизбежно оказывается связанным с вопросом об определении немецкого духа и о критериях принадлежности к немецкой нации. В Польше мы привыкли считать, что новое немецкое самосознание выковывается в сфере отношения к прошлому, тогда как действительность выглядит по-иному. Учебным полигоном новому самосознанию немцев служит

отношение к иммигрантам, особенно к мусульманам. «Ислам — это идеальная плоскость, на которую мы можем сегодня проецировать все болевые точки, связанные с нашим самосознанием. Цивилизационный вопрос, с помощью которого раньше отличали хороших от плохих, звучал так: был ли Аушвиц чем-то исключительным? Сегодня это другой вопрос: принадлежит ли ислам к Германии?» — писал комментатор газеты «Тагесшпигель».

Спор на этом фоне ведется в Германии в различных аспектах. Речь идет о проблеме нынешнего места ислама как религии в публичной жизни и его равноправия с теми христианскими конфессиями, которые признаны государством. Другой аспект — это вопрос дефиниции ведущей культуры (Leitkultur), иначе говоря, вопрос о том, насколько немецкое самосознание должно определяться культурным наследием, а насколько — политическими правами и гражданскими ценностями. Можно ли считать себя немцем, одновременно оставаясь турком или мусульманином? Как показала упомянутая дискуссия вокруг изданной в 2010 г. книги Саррацина, такие споры не свободны от напряжений и страхов. Неприязнь к мусульманам нарастает, а в отношении терпимости к исламу как религии Германия выглядит не наилучшим образом на фоне западных и северных соседей. И, хотя подобные настроения не способствуют успехам крайних политических группировок, они доказывают, что процесс поиска новой модели немецкого самосознания, приспособленной к изменившейся картине общества, лишь начинается. Вместе с кризисом общества постоянного подъема он приходится на тот момент переоценки, благодаря которому Берлинская республика обретает новый облик.

Немецкая Европа?

Пожалуй, ни в каком другом пространстве этот новый облик Германии не виден столь отчетливо, как в европейской политике. Но и в этом случае разные истолкования случившейся перемены часто вступают между собой в противоречие. Одни обращают внимание на прощание Германии с европейским идеализмом и на проведение ею жесткой *Machtspolitik*, в результате которой «Европа танцует так, как играет Германия» (Чарльз Грант). Другие считают, что, наоборот, Германия не хочет брать на себя ответственность за Европу и прячет голову в песок перед лицом нарастающих проблем (так говорил знаменитый историк Нейл Фергюсон в журнале «Шпигель»). Складывается следующее неоспоримое впечатление: господствующее в Германии на протяжении

нескольких десятилетий убеждение, что углубление европейской интеграции отвечает германским интересам, подверглось драматическому ослаблению. А вместе с ним — и молчаливый проевропейский общественный консенсус, который в прошлых десятилетиях позволял германским верхам совершать смелые шаги (введение евро, расширение ЕС на восток) без необходимости чрезмерного вовлечения граждан. Новейшие исследования Алленсбахского института демоскопии показывают масштаб изменений в настроениях общества по отношению к Европе. В 2002 г. 49% немцев выражало доверие Евросоюзу, в октябре 2011 го — уже только 24%. Столько же граждан Германии считает, что членство в ЕС приносит их стране пользу, однако целых 33% утверждает, что преобладают отрицательные последствия. С июня обеспокоенность тем, как оборачиваются дела в зоне евро, выросла с 41 до 55%, в то время как недовольство политикой правительства в делах ЕС подскочило до уровня 58%.

Эта картина заставляет задуматься: Европа чаще с опасением, чем с надеждой посматривает на перспективу немецкой гегемонии, тогда как в Германии доминирует скорее чувство, что Евросоюз, который когда-то служил германским интересам, сегодня движется в опасном направлении. Если внешний мир видит призрак «немецкой Европы», Германия, похоже, утверждает, что таковая как раз закончилась. Пожалуй, никогда две эти точки зрения не были столь диаметрально отличающимися.

По существу дело обстоит таким образом, что развитие событий в Евросоюзе за последние три года (с начала кризиса евро) идет вовсе не в том направлении, которое предпочтительно для Германии. Конечно, правда, что именно Германия раздает карты в переговорах о помощи странам, находящимся под угрозой банкротства, что именно Берлин оказывает мощное влияние на дебаты об институциональной реформе зоны евро и что в большой мере под диктовку Ангелы Меркель принимаются решения о бюджетных сокращениях и о программах экономии в странах европейского Юга. Но это только часть целостной картины. Ибо не менее существенно то обстоятельство, что впервые в истории европейской интеграции те глубокие изменения, которые происходят в Евросоюзе как раз под воздействием всех подобных действий, — это вовсе не следствие германских планов и стратегий, а требование текущего момента, одобряемое Берлином с неохотой и оглядкой. В случае предпринимавшихся ранее крупных интеграционных шагов — введения евро или очередных расширений ЕС — Германия выступала их

движущей силой, действуя в полном согласии с собственными интересами. Сегодня всё иначе: Евросоюз движется в направлении фискального союза, а интересы Германии заключаются не в подталкивании этого процесса вперед, а в ограничении его негативных последствий для германской экономики и политики. В этом смысле образ Германии, навязывающей свою волю другим, одновременно и правдив (трудно отрицать ее влияние на принимаемые в Брюсселе решения), и вместе с тем ложен (подлинным мотором, стоящим за этими изменениями, служит давление финансовых рынков и кризис, принуждающий к драматическим шагам).

Новая форма Европы, которая рождается в этом кризисе, отнюдь не отвечает немецким представлениям. Германия никогда не была сторонницей экономического правительства в ЕС, о необходимости учреждения которого сегодня говорится на каждом углу. Германская модель валютного союза предполагала суровую бюджетную дисциплину, полную независимость центрального банка и принцип «no bailout». Построенный на таком фундаменте валютный союз должен был привести со временем к конвергенции европейских экономик, однако кризис евро показал, что это была иллюзия и что союз, основанный только на единой валюте, нуждается во «второй ноге» в виде строгой координации экономической политики всех стран-членов. Германские рецепты, в соответствии с которыми строили до сих пор Евросоюз, перестали действовать. Принцип, что нельзя оказывать финансовую поддержку обремененным долгами странам? Вместе с учреждением «спасательного круга» — в виде Европейского фонда финансовой стабилизации — этот принцип очутился в мусорной корзине. Полная независимость денежной политики центрального банка от требований экономической и хозяйственной политики? С тех пор как Европейский центральный банк выкупает облигации Греции или Италии, находящихся под угрозой краха, и эта немецкая аксиома полностью расплзлась по швам. Модель нацеленной на экспорт немецкой экономики как образец для всего Евросоюза? Последний кризис показал, к каким роковым последствиям ведет экономическая несбалансированность в зоне евро (одни, например, Германия, зарабатывают на экспорте и получают на нем излишки, другие по уши залезают в долги первым). Затягивать пояса в качестве лекарственного средства, позволяющего Европе подняться с колен? Сегодня известно, что этого никак не достаточно. Угроза нарастающего социального кризиса на юге Европы, вызванного бюджетными сокращениями, приводит к тому, что всё чаще говорится о

необходимости нового плана Маршалла, заплатить за который пришлось бы и Германии.

Таков ли путь к «немецкой Европе»? Наверняка не с точки зрения Берлина, где царит скорее убеждение, что Евросоюз, которым Германии удавалось до сих пор довольно легко управлять, выскальзывает у нее из-под контроля. Это субъективное убеждение — очень важный составной элемент того положения, в котором оказалась Германия: наряду с переопределением модели общественного устройства и национального самосознания там происходит поворот и в ее отношении к Европе. Исходящие из него требования имеют и другой, не менее важный аспект, касающийся демократии и легитимации решений, принимаемых на уровне ЕС. После недавних приговоров Федерального конституционного суда почти не осталось сомнений, что следующие шаги в европейской интеграции потребуют изменения конституции — в ее нынешней форме перенесение сколько-нибудь серьезных полномочий на наднациональный уровень нарушает права парламента, которые в демократии священны. Дадут ли граждане согласие на такое изменение? Впервые в истории германские верхи стоят перед весьма нелегкой задачей: вступить в политические дебаты с обществом о Европе — дебаты, без которых восстановление проевропейского консенсуса не будет возможным. Времена подразумеваемого согласия на углубление интеграции окончились.

Петр Бурас — эксперт по немецким делам. Публицист «Газеты выборчей». Осенью 2011 г. вышла из печати его книга «Мусульмане и другая Германия. Берлинская республика придумывает себя заново» (Варшава: Sic!).

«POMERANIA NOSTRA» — ПОЛЬСКИМ ДНЯМ КУЛЬТУРЫ

В этом году премией «Pomerania Nostra» награждены Польские дни культуры «rolenmARkT», которые с 1997 г. проводятся в немецком Грейфсвальде. Их название придумали Карин Ритхалер, Агата Вишневская-Шмидт и Маттес Клемм, исходя из популярных ассоциаций с приграничными ярмарками и одновременно преодолевая стереотипы посредством выделения прописными буквами слова ART.

Премия «Pomerania Nostra» была создана, чтобы воздавать должное тем, у кого есть особые заслуги перед польским Западным Поморьем и германской Передней Померанией в одной из следующих областей: искусство, наука, политика и экономика. Учредителями премии стали два поморских университета: старший по возрасту, Грейфсвальдский, основанный в 1456 г., и младший, Щецинский, возникший в 1985 г., — а также редакции двух газет: «Щецинского курьера» и нойбранденбургского «Нордкурьера». Два года назад к учредителям этой премии присоединились два города: Грейфсвальд и Щецин.

Премия присуждается теперь раз в два года — попеременно в Грейфсвальде и Щецине. Лауреатов предлагает кураторство премии, в состав которого входят ректоры двух университетов, президент (мэр) Щецина и бургомистр Грейфсвальда, а также главные редакторы обеих газет. Премия — статуэтка в форме особой серьги-стяжки (морского приспособления, служащего для соединения канатов и цепей) и 3 тыс. евро.

Первым лауреатом премии стал в 2004 г. проф. Бертольд Байц, тогдашний глава правления в Фонде Круппа, меценат Грейфсвальдского университета, учредитель стипендий для польских и немецких студентов, награжденный медалью «Праведник среди народов мира». Вторым лауреатом премии «Pomerania Nostra» был профессор Кшиштоф Скубишевский, политик, министр иностранных дел Польши в 1989–1993 гг., основной участник переговоров по соглашениям, которые Польша заключила с объединенной Германией. Кроме них, премию получали проф. Янина Ясновская из Щецина и проф. Михаэль Суццов из Грейфсвальда, ботаники, совместно занимавшиеся созданием заповедника Долина Нижней Одры

(2007), а также проф. Владислав Филиповяк, выдающийся щецинский археолог, исследователь древней истории Поморья, многолетний директор Щецинского национального музея, инициатор многочисленных польско-немецких научных исследований, связанных с давней и новейшей историей Поморья-Померании.

Лауреаты нынешнего года — это коллектив людей, совместно организующих Польские дни культуры (Polnische Kulturtage) в Грейфсвальде. Вначале, на протяжении трех первых лет, это мероприятие было исключительно университетским. Со временем круг его организаторов систематически расширялся, создав объединение polenmARkT и фестиваль, который брызжет энергией и показывает многое из того, что есть в польской культуре нового, оригинального, авангардного. Подобную идею продвигали в свое время не без противодействия. В качестве постоянного срока проведения этого фестиваля когда-то установили ноябрь. Таким он остается по сей день.

В программке фестиваля, например в 2008 г., когда покровительство над ним осуществляло польское посольство в Берлине, тогдашний председатель объединения polenmARkT проф. Христиан Любке писал: «В программе — концерты, авторские встречи, литературные вечера, выставки, творческие мастерские, фильмы, дискуссии, затрагивающие историческую тематику и актуальные события, а также много других предложений. Существенный пункт программы — ставшая уже традиционной кулинария. Десять дней, заполненных необычайно интересной программой, — это время развлекаться, получить интересную информацию и дать позабавиться публике любого возраста».

Достижения фестиваля внушают уважение. Сегодня это один из самых интересных фестивалей польской культуры в Германии. Благодаря ему Грейфсвальд может ощутить вибрирующий ритм польской культуры. Организаторы не избегают также щекотливой и спорной проблематики: фестиваль — по духу открытый. Кроме того, каждый год во время проведения фестиваля вручается премия за деятельность на благо польско-германского сотрудничества, учрежденная Сберегательной кассой Передней Померании.

Фестиваль polenmARkT проводится во многих местах города — от университета, Поморского краеведческого музея, театра и Центра св. Духа вплоть до лавок букинистов, книжных магазинов, ресторанов, галерей и кафе. Так что им живет весь город. Его пульсирующим центром служит Дом литературы

«Кёппенхаус», и особенно — фестивальное кафе «Кёппен», где дискуссии и встречи часто затягиваются далеко за полночь. А с прошлого года фестивальные мероприятия проходят также в близлежащем Штральзунде. Фестиваль также побудил создать в Грейфсвальдском университете последипломные занятия по польскому языку и литературе «Полоникум» и каникулярную летнюю школу «Грейфсвальд — Полоникум». В этом году Дни польской культуры «rolenmARkT» состоятся 17-28 ноября в Грейфсвальде, Штральзунде, а также впервые — в Пазевальке, Анкламе и на острове Узедом.

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

Нижеследующая история будет хорошей отправной точкой для объяснения стихийных сомнений поляков, можно ли с помощью системы знаков передать конкретное понятие, и имеет ли такая передача смысл. Случилась она в начале 60 х, а рассказал мне ее умерший в 1970 г. художник Казимеж Подсадецкий. В 20 е годы он представлял авангард польской графики, но в конце жизни писал в основном акварельные пейзажи.

Итак, однажды Казимеж Подсадецкий отправился на пленэр в татранское Подгалье и снял комнату у гуралья^[1]. Дождавшись хорошей погоды и подходящего света, он поставил перед домом своего хозяина мольберт и начал рисовать. Гураль прервал работу, подошел и спросил:

— Что это вы такое рисуете?

— Разве вы не видите, газда^[2]? Избу вашу рисую.

— Мою избу? Да на что она вам? Она ж и без того есть.

История эта со всей очевидностью показывает, что гураль — маловер, причем особого типа. Он не верит в закономерную связь между реально существующим предметом (знакомым ему по повседневному опыту) и картиной, которая должна его искусственным образом изображать.

Такое маловерие, несомненно, можно назвать мифотворческим. Вопрос лишь в том, создает ли оно миф картины, миф реально существующей избы или же — стихийно и подсознательно — миф невозможности либо бессмысленности соотнесения избы с картиной.

Распространено мнение, что миф как форма общественного сознания выражается в определенной системе знаков, чаще всего — в системе данного языка. Здесь перед нами встает мнимое внутреннее противоречие: языковой миф может выражаться лишь в самом языке. И действительно, так представляется внешняя сторона этого явления, которое можно наблюдать в Польше. Но если присмотреться к нему пристальнее, выяснится, что дело обстоит несколько иначе. Тогда можно допустить, что языковой миф способен найти

более обобщенное выражение (например, в соотношении с окружающим миром): в темпераменте, характере и даже в практической деятельности.

Чтобы объяснить это, надо обратиться к истории возникновения польского национального литературного языка как фактора, который существенным и непреложным образом сформировал и по сей день формирует сознание народа.

Если мы хотим сравнить историю появления литературного языка в Польше с возникновением какого-нибудь другого европейского языка, то в первую очередь на мысль приходит латынь. Литературный язык римлян во многом возник не самостоятельно, но благодаря переносу греческой модели на еще стилистически не сформировавшийся словарный запас. Во времена классической античности, когда культуротворческую роль играли, по сути дела, только два языка — латынь и греческий, — эта очевидная вторичность латыни по отношению к греческому не воспринималась как странность. Цивилизация была в принципе однородной, национальной конкуренции в нынешнем понимании не существовало, а образованный римлянин был практически двуязычным — незнание греческого считалось недостатком. В Средние века и в Новое время ситуация представлялась совершенно иначе. У большинства национальных европейских языков есть своя долгая, иногда запутанная история, наслаивающиеся друг на друга традиции и меняющиеся структуры.

Хотя окончательное становление национальных языков пришлось в Европе на период Возрождения, в большинстве случаев это было именно становление, а не возникновение. В Италии, Франции, Англии, Германии, а также в странах, где вообще не было Ренессанса, национальные языки — сформировавшиеся в высших кругах, точные, литературные и в то же время повсеместно распространенные, — как правило, появлялись не внезапно, но в результате длительных, порой продолжавшихся веками процессов «возникновения». У истоков этих процессов лежала определенная общественная и психологическая предрасположенность, вытекавшая из плебейских, городских или сельских взаимоотношений, — уверенность, что слово соотносится с вещью или событием, которые оно хочет передать. С одной стороны, любовные песни, эпические поэмы, сценические представления, вагантские шутки создавались анонимно, а с другой — их писали люди, которых сегодня мы назвали бы профессиональными литераторами. Трудом Данте и Петрарки, поэтов Плеяды и Лютера, Рохаса и многочисленных англичан предшествовали

длительные усилия отдельных людей и целых обществ. То, что́ они создали, возникало в естественном соотношении «слово — вещь».

Между тем в Польше всё было по-другому. Польский национальный литературный язык, существующий в принципе по сей день, не формировался столетиями. Он возник внезапно, одним махом, в сущности благодаря одному человеку — и сразу стал высокоточным инструментом на высоком культурном уровне. Но в то же время это выглядело так, будто неожиданно родилась взрослая женщина, которая никогда не была девственницей. Польскому языку не было присуще доверие к естественному соотношению «слово — вещь»; единственно подлинным в этом языке было соотношение «слово — слово».

Еще до середины XVI в. польский язык, как свидетельствуют сохранившиеся памятники письменности, был грубым, корявым и неуклюжим. Но уже через несколько десятков лет поэт Ян Кохановский, описывая окаменевшую от горя Ниобу, заканчивает свои стихи таким двустишием:

Над мертвым нет холма, нет мертвого в могиле,

Могилу с мертвецом в единый образ слили. ^[3]

(Пер. Сергея Советова)

Эти строки написаны уже не просто изысканным, но и необычайно насыщенным, концентрированным языком. Более того, этот язык не обращается к своему прошлому и традициям, но устремлен в будущее, для которого самовольно устанавливает традиции, укорененные не во внешней действительности, а в нем самом — в языке. Обратим внимание: в этом двустишии ренессансной поэзии уже заключено всё, что составляет сущность поэзии более поздней — барочной и даже романтической. Здесь есть и своеобразное применение принципа итальянского кончетто, и столь характерная для XVII в. техника, основанная на *coincidentia oppositorum*, и оторванность от реальной жизни.

Двустишие взято из большого скорбного цикла — «Тренов» Яна Кохановского, воспевающих боль отца после смерти дочери. Однако по меньшей мере подозрительно, что никаких доказательств существования этой дочери, кроме самого текста поэмы, нет. В довершение всего при чтении поэмы складывается впечатление, что в сущности мы имеем дело со своего рода философским трактатом, с попыткой соединить

христианскую позицию с эпикурейской, причем попыткой очень разумной, в рамках холодного и дисциплинированного познавательного и морального рассуждения. Возникает предположение, что никакой дочери не было вовсе и, следовательно, она не умирала, что отцовская боль и скорбь здесь — литературный вымысел, опыт поэтического пера и поэтической речи.

В своей первооснове эта поэтическая речь не продолжала традиций тогдашней (и более ранней) польской письменности или разговорного языка. Кохановский, воспитанник итальянских университетов, бывавший в молодости во Франции и, вероятно, в Голландии и Германии, свои первые сочинения писал по-латыни. Дисциплину латинского языка, его ход воображения и рассуждения он совершенно сознательно перенес в польский и тем самым сформировал не только сохранившийся по сей день литературный язык, но и общенациональную речь и воображение. По-видимому, это произошло непреднамеренно, но зато бесповоротно. Кроме того, эти изменения были директивными, они стали как бы обязательными.

Таким образом, основа этого языка, воображения и сознания — не естественное доверчивое соотношение «слово — вещь», а соотношение «текст — текст», намного менее очевидное и вызывающее серьезное недоверие, в самом же тексте первостепенным становится соотношение «слово — слово».

Вот так благодаря творчеству одного поэта XVI века поляки стали номиналистами. Название это произошло из средневековой схоластики, в рамках которой сформировались две философских школы: реалистов и номиналистов. Реалисты основывались на первом предложении книги Бытия: «В начале сотворил Бог небо и землю», номиналисты — на первых словах Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово». Главным представителем первых был Фома Аквинский (1225–1274), опиравшийся в своих умозаключениях на Аристотеля; номиналистом же был Уильям Оккам (1280–1348), чьи взгляды напоминают скорее мысль Платона. Разумеется, использованное мною слово «номинализм» не вполне соответствует значению этой школы в Средние века, но для того, чтобы понять сознание поляков и некоторые аспекты истории Польши, важно другое: название вещи для нас более существенно, чем сама вещь.

Слово имеет преимущество перед миром, и, перефразируя известную мысль Гегеля, можно сказать, что если мир противоречит слову, то тем хуже для мира.

Конечно, ни слову, ни миру хуже не было; хуже бывало лишь самим полякам. Однако это отнюдь не означает, что номинализм принес польскому народу одни несчастья.

1971

*

Из книги: *W. Wirpsza, Polaku, kim jesteś. Wyd. III. Mikołów, 2009.*

Ten grób nie jest na martwym, ten martwy nie w grobie,

Ale samże jest martwym, samże grobem sobie.

1. Гураль — польский горец, в данном случае житель Подгалья. (Здесь и далее прим. пер.)
2. Газда — гуральский хозяин.
3. В оригинале эти строки звучат так:

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

В последний день февраля в краковском магистрате была оглашена официальная часть завещания польского нобелевского лауреата Виславы Шимборской, умершей 1 февраля 2012 года в возрасте 89 лет. В силу завещания организуется Фонд Виславы Шимборской, который должен сохранить творчество и облик поэта, заботиться об оставленном ею наследии и организовывать литературные конкурсы.

Фонд будет располагать имуществом поэтессы, квартирой, а также авторскими правами на ее произведения. В первое правление фонда войдут подруга Шимборской литературовед профессор Тереса Валяс, адвокат Марек Буковский и Михал Русинек, многолетний личный секретарь поэтессы.

Вислава Шимборская, которая жила весьма скромно, завещала своему фонду 3,5 млн. злотых (около миллиона долларов, то есть практически столько же, сколько в 1996 г. составила Нобелевская премия).

Несколькими днями позже Михал Русинек поделился с поклонниками поэзии Шимборской сенсационным открытием. Он нашел в ее квартире «мифический сборник» стихов 1949 года.

— Я называю его мифическим, потому что он был задержан цензурой (так как не был соцреалистическим), а пани Вислава к нему не возвращалась, — рассказал Русинек. — Однако в 1970 году ее муж Адам Влодек сделал ей подарок: он взял стихи из этого сборника, а также другие неопубликованные, всего около сорока. Перепечатал всё на машинке, снабдив библиографическими описаниями. Так получились две книжки: одна была у Шимборской, другая — у ее мужа. Я нашел обе на антресолях в квартире пани Виславы.

По мнению Русинек, этот сборник типично юношеских стихов, включающий, в частности, любовные, заслуживает публикации: «Как бы то ни было, это отсутствующий фрагмент истории литературы».

А последний сборник Виславы Шимборской «Довольно» выходит в конце апреля в краковском издательстве «а5». Он

будет включать тринадцать стихотворений.

4 марта исполняется 80 лет со дня рождения Рышарда Капустинского, выдающегося польского писателя и репортера, умершего в январе 2007 года. В канун юбилея стали известны названия десяти книг, выдвинутых на премию имени Рышарда Капустинского за литературный репортаж. Жюри нынешнего года: Малгожата Шейнерт (председатель), Иоанна Батор, Андерш Бодегард, Мацей Дрыгас и Петр Мицнер — провело отбор из 72 книг-претендентов. В финальной десятке оказалось целых семь книг издательства «Чарне». Шансы на премию имеют три польских автора: Лидия Осталовская («Акварели»), Яцек Хуго-Бадер («Колымские дневники») и Филипп Спрингер («Медзянка. История исчезновения»). В апреле будет названа пятерка финалистов, а лауреата третьей по счету премии, учрежденной столицей Польши, мы узнаем 11 мая во время Варшавской книжной ярмарки.

Славомир Мрожек получил 23 марта звание доктора honoris causa Силезского университета. Торжество состоялось в Силезском театре имени Станислава Выспянского в Катовице. По завершении церемонии на главной сцене театра был представлен вышедший в конце января второй том «Дневников» писателя. Подготовлена также премьера его пьесы «Контракт» на малой сцене театра. «Произведения Славомира Мрожека прочно вошли в историю театра, они сопоставимы с лучшими достижениями Артюра Адамова, Фернандо Аррабаля, Сэмюэла Беккета, Фридриха Дюренматта, Эжена Ионеско, а в Польше — Витольда Гомбровича и Тадеуша Ружевича. Мастер драмы и коротких прозаических форм, неповторимый юморист, в течение полувека сопровождающий интеллектуальную рефлексию жизни поляков; его антиномия «умника» и «хама» в течение всей эпохи ПНР пронизательно выявляла общественное напряжение, которое отрицала тогдашняя идеология», — подчеркивали силезские ученые.

Отмечалось также, что связи Славомира Мрожека с Верхней Силезией восходят к 1957 году: «Тогда он познакомился с членом знаменитой группы «ST-53» художницей Марией Обрембой, с которой заключил гражданский брак в Катовице в 1959 году. В Катовице он приезжал и в последующие годы, а после десятилетий отсутствия вновь символически воссоединился с городом благодаря академической общности Силезского университета», — сказано в похвальном слове. Славомир Мрожек — автор таких пьес, как «Танго», «Резня», «Эмигранты», «Любовь в Крыму» —

наиболее часто ставящийся в Польше и за рубежом современный польский драматург.

Вышла новая книжка о «Погребке под Баранами» (издательство «Трио»). В ней Януш Ковальчук вспоминает о десяти годах, связанных со знаменитым краковским кабаре. Он был автором сатирических текстов, сам выступал на сцене, часто давал указания сценографу. Зная «Погребок» изнутри, он пишет с позиции участника и свидетеля, что составляет бесспорную ценность воспоминаний. И в девяностые годы, уже как журналист газеты «Жечпосполита», он не упускал кабаре из виду. Провел несколько десятков интервью с бывшими своими коллегами по «Погребку», такими как Петр Скшинецкий, Анджей Вархал, Веслав Дымный, Зигмунт Конечный, Марек Грехута, Гжегож Турнау, Мариан Дзендзель, Лешек Длугош, Галина Выродек, Анна Шалапак, Алёша Авдеев, Эдвард Линде-Любашенко и многие другие. Это добротная журналистика: Ковальчук не повторяет сплетен, анекдотов из вторых рук, затасканных историй. Он использует собственные богатые материалы. Что далеко не общее правило: так, в книге «Капустинский non fiction» Артуру Домославскому удалось написать целую (скорее, недоброжелательную) главу о дочери репортера, с которой он вообще не разговаривал.

Читатели найдут в книге Ковальчика неповторимую атмосферу спектаклей кабаре, десятки замечательных анекдотов, сцены из абсурдной действительности ПНР, рассказы о придирах цензуры и нервных откликах власти, совершенно бессильной перед феноменом «Погребка под Баранами». Ибо «Погребок», как пишет автор, «располагал неодолимым оружием — смехом. Никакие водометы или дубинки отрядов «поддержания общественного порядка» победить его не могли». «Возвращаясь к моим Баранам» — прекрасный заголовок и столь же замечательное содержание.

Данута Валенса, жена Леха Валенсы, легендарного вождя «Солидарности», стала в нынешнем году лауреатом премии Радио ТОК FM. Популярная радиостанция присуждает свою премию за смелые, необычные поступки, дела или высказывания, которые в течение минувшего года оказали существенное влияние на сознание общества либо вообще изменили польскую действительность. Год назад премию получил министр Михал Бони. Сейчас она присуждена бывшей первой леди. Ее соперниками были свящ. Адам Бонецкий, бывший главный редактор «Тыгодника повшехного», и капитан Тадеуш Врона, пилот авиакомпании «Лёт», который, несмотря на поломку шасси, благополучно посадил на

варшавский аэродром самолет с 231 человеком на борту. Вот как звучит обоснование премии Дануты Валенсы: «Мать и Полька. Именно в такой последовательности. Годами скрытая в тени легендарного мужа, воспитывала детей. Пережила наполненные страхом мрачные годы коммунизма. Выдержала также всеобщее внимание в период президентства Леха. В последние месяцы вышла в широкий мир благодаря необычайно искренней книге».

Речь идет об автобиографии-бестселлере «Мечты и тайны». Ее автор награжден «за смелость написания книги о том, что значит быть женщиной в Польше». На нынешний день распродано свыше 300 тысяч экземпляров книги. Ее читатели — главным образом польские женщины.

— Это, безусловно, те женщины, которые слышали свой голос — голос женщин, обреченных на незавидную роль матерей и домашних хозяек, — объясняет на страницах «Политики» профессор Богдан Войтишко, социальный психолог. — Мы их любим и голубим, но не уважаем и не ценим. Они совершенно не присутствуют в общественном пространстве. Их нет ни среди политиков, ни среди феминисток. Увлеченность книгой Дануты Валенсы для этих женщин носит компенсационный характер. Через эту книгу кто-то такой же, как они, наконец стал существовать.

13 марта фирма «Nonesuch», известная изданиями классической музыки, выпустила диск «Кшиштоф Пендерецкий и Джонни Гринвуд». Она содержит два произведения польского композитора начала 1960-х — «Плач по жертвам Хиросимы, Трен» для 52 смычковых инструментов и «Полиморфию» для 48 инструментов. После каждого произведения следуют вдохновленные ими оркестровые композиции Джонни Гринвуда: соответственно «Porscorn Superhet Receiver» (ранее звучавшую как музыка к фильму «There Will Be Blood» — в русском прокате «Нефть») и «Сорок восемь реплик к “Полиморфии”».

В связи с 80-летием со дня рождения Бронислава Геремека в Национальной филармонии в Варшаве 20 марта прозвучало одно из вершинных произведений церковной музыки — «Страсти по Иоанну» Иоганна Себастьяна Баха. Этот музыкальный шедевр можно было услышать в стилизованном исполнении признанного французского ансамбля старинной музыки «Le Concert Lorrain». Восьмидесятая годовщина выдающегося историка и дипломата профессора Бронислава Геремека (погибшего в автомобильном крушении в 2008 г.) отмечалась 6 марта.

Варшавская публика долго ждала анонсированного еще в 2001 году «Летучего голландца» в постановке Мариуша Трелинского. Наконец 16 марта премьера романтической оперы Рихарда Вагнера состоялась в Большом театре — Национальной опере. Наибольшее впечатление произвела на зрителей необычная сценография Бориса Кудлички. Сцена была буквально залита, покрыта большим зеркалом настоящей воды.

— Мне хотелось создать впечатление черной пучины, глубины. На каждое представление мы расходуем 70 тыс. литров, — рассказал перед премьерой Борис Кудличка. — Вода должна быть теплой, чтобы актерам и хористам было нетрудно работать.

Яцек Марчинский («Жечпосполита») считает, что, несмотря на некоторые несовершенства, «Летучий голландец» — это прекрасный спектакль в духе Вагнера. «Тот, кому не мешает постоянный шум сценического дождя и хлюпающая под ногами исполнителей вода, обнаружит, что это настоящая романтическая повесть, хотя и не связанная с конкретным временем. (...) О сценографии Бориса Кудлички к «Летучему голландцу» можно сказать одно: это произведение искусства. Только настоящий художник сумеет выразить так много с помощью столь скромных средств».

Дорота Шварцман (в тексте «Захлебывающийся голландец») несколько строже. Она пишет в своем блоге: «Оркестр разладился, и никакой плавности там не было слышно, у хора была тяжелая задача, особенно у женской группы, которая также должна была плескаться. «Хлюп-хлюп», — эти звуки слишком часто сопутствовали пению. Все должны были пошлепать или потопать по воде. Сказать по правде, окунались больше дамы, но наступил момент, когда пошел дождь и вымокли также Голландец и Сента».

С зубодробительными оценками критики столкнулась новая польская комедия «Варшавское похмелье» («Kas Wawa») в постановке Лукаша Карвовского, создавшего ранее 150 рекламных роликов. Первым дал волю гневу известный кинокритик Томаш Рачек в своем блоге: «Этот фильм как болезнь, как злокачественное новообразование, он убивает веру в кино и уважение к актерам... Искренне и безусловно не советую ходить на этот фильм. Он должен потерпеть кассовый крах — может быть, это чему-нибудь научит производителей. СТЫДОБА!» Продюсер фильма Яцек Самойлович заявил, что привлечет критика к суду: «Из-за этого господина я потерял несколько миллионов». Эту сумму он и хочет отсудить.

Следующим ответчиком может стать Кшиштоф Варга. Фельетонист «Газеты выборчей» тоже не восхитился: «Поляки лишены иронии, иронии не понимают, разве что сортирный юмор. Это видно по продукту «Варшавское похмелье», где ключевые остроты связаны с уборной, к тому же с уборной в борделе, что должно быть еще смешнее, поскольку самой веселой шуткой должен стать понос одного из персонажей этой повести, вдобавок из клозета выливается вода, — вот такое сплетение метафор мы получаем от производителей этого продукта».

Варга задает также принципиальный вопрос популярным звездам экрана, таким как Борис Шиц и Томаш Кароляк: «Насколько же огромные ипотечные кредиты должны выплачивать польские актеры? Вбухали все сбережения в рискованные инвестиции? Или уже покупают в долг в овощной лавке? Я не шучу, не издеваюсь, я ставлю этот вопрос вполне серьезно — и хочу серьезного ответа. Я понимаю, что кто-то может быть в депрессии из-за того, что нет никаких ролей, кто-то уже доедает оконную замазку и застрял зубами во фрамуге, но Шиц или Кароляк не должны были уж так низко пасть, разве что они в самом деле считают, что профессия актера ничем особенным, кроме ставок, не отличается от профессии дорожной проститутки».

Что ж, на Рачека в суд подаст продюсер, а на Варгу, похоже, артисты.

В середине марта на экраны польских кинотеатров вышел фильм «Ганс Клосс. Ставка больше, чем смерть», сиквел знаменитого телесериала «Ставка больше, чем жизнь». Режиссер нового «Клосса» — Патрик Вега. Повесть о приключениях J 23, польского Джеймса Бонда, выпущенная в шестидесятые годы, — телесериал «Ставка больше, чем жизнь» группы авторов под коллективным псевдонимом Анджей Збых — считается лучшим польским приключенческим сериалом. Он пользовался невероятной популярностью, причем не только в Польше. Новые приключения агента J 23 разворачиваются как под конец Второй Мировой войны, так и спустя несколько десятков лет после ее окончания. В актерском составе вновь Станислав Микульский в роли Ганса Клосса и Эмиль Каревич в роли Германа Бруннера. Восемидесятилетние! Молодыми их персонажей играют Томаш Кот и Петр Адамчик. Яцек Щерба («Газета выборча») написал, что в фильме Патрика Веги смешиваются два плана — добротная постановка в реалистической интонации с поэтикой пожалуй что опереточной. «И все же о винегрете, которого я опасался, нет и

речи. Я смотрел «Ганса Клосса» без увлечения, но и не бился после просмотра головой об стенку. Однако, как почувствовал, мне бы хотелось, чтобы сняли новую «Ставку» — исключительно военную».

Согласно общему мнению тех, кто уже посмотрел фильм Веги, самым слабым местом оказалась музыка. Нелегко соперничать со знаменитым динамичным сквозным мотивом «Ставки больше, чем жизнь». Тогда композитором выступил Ежи «Дудусь» Матушкевич — мировая премьер-лига!

Прощания

11 марта в возрасте 65 лет в Згеже умер Богуслав Мец, известный польский певец, композитор и скульптор. В 1972 г. он получил главный приз на фестивале песни в Ополе, исполнив балладу Влодзимежа Нагорного на стихи Ионаша Кофты «Ее портрет». Произведение, начинающееся словами: «Никто не знает, какая ты на самом деле», стало удивительно популярным и по сей день считается одной из прекраснейших композиций польской развлекательной музыки. Мец исполнял преимущественно песни настроения, чаще меланхолические: «На взгляд», «От робости», «В белой тишине твоих век». Его фирменным знаком была черная шляпа и длинный черный плащ. Более десяти лет Богуслав Мец боролся с лейкозием.

16 марта в Варшаве умер Зигмунт Бронярек, известный в ПНР журналист, многолетний корреспондент газеты «Трибуна люду» в США, Франции и Скандинавии. Ему было 87 лет. Бронярек написал свыше двадцати книг, из них многие — об американской политике, например «Горячие дни Манхеттена», «От Киссинджера до Бжезинского», «Белый дом и его президенты». Он гордился личной дружбой с Джорджем Бушем-старшим, который на пресс-конференциях обращался к нему по имени — Зигги. В период военного положения журналист входил, наряду с Ежи Урбаном и Рышардом Войной, в группу главных партийных пропагандистов. После 1989 г. оставил политическую публицистику. Писал воспоминания, тексты о кулинарии и книги об изучении иностранных языков. Сам он был полиглотом, знал восемь языков.

ПОЛЯК ПЕТР МИЛЕВСКИЙ И ПОЛЬСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ

В конце XIX века тысячи ссыльных поляков и их семьи жили в Сибири, многие из них обосновались в Иркутске. Они принимали активное участие в культурной и общественной жизни города. Так, польский ссыльный Петр Адамович Милевский стал известным фотографом. Купец 2-й гильдии, он в 1883–1901 гг. держал фотоателье в центре Иркутска, был действительным членом ВСОИРГО (Восточно-Сибирский отдел Императорского русского Географического общества). По заданию этой организации сделал, например, серию снимков о приезде в Иркутск и Красноярск цесаревича Николая Александровича во время его путешествия на Восток.

В 1889 г. на юбилейной Всероссийской фотографической выставке в Москве Петр Адамович Милевский получил большую Серебряную медаль за ряд этнических снимков из жизни бурят и серию фотопортретов.

О творчестве иркутского фотографа конца XIX века П.А.Милевского я узнала от старшего преподавателя Иркутского государственного университета Рудольфа Георгиевича Берестенёва, написавшего книгу о сибирских фотографах. Только благодаря бесценной помощи этого увлеченного коллекционера, приславшего мне, правнучке Петра Адамовича Милевского, электронную версию около ста фотографий, стала возможна публикация и выставки.

В «Московском журнале» №2 за 2011 г. опубликована моя статья «Иркутск, конец XIX века», проиллюстрированная 20 фотографиями Петра Адамовича.

Подготовила и организовала выставку фоторабот П.А.Милевского в Культурном центре «Красногорье» в городе Красногорске Московской области. Экспозиция вызвала большой интерес общественности и была продолжена в Молодежном центре Красногорска. В июле фотоработы П.А.Милевского были показаны в выставочном зале «Творчество» в Москве.

Тематически фотографии объединены в группы:

— портреты общественных деятелей, публицистов, горожан, польских ссыльных;

— архитектура города Иркутска, в том числе здания учебных заведений как вклад купечества в образование.

— пребывание цесаревича в Иркутске и Красноярске в 1891 г. во время его путешествия на Восток.

В этих фотографиях отражена история России конца XIX века.

О своем прадеде Петре Адамовиче Милевском я узнала из документов моего отца Валентина Евгеньевича Милевского: свидетельства о рождении и выписки из метрической книги о крещении, пожелтевших от времени. Стало известно, что его отец Евгений Петрович Милевский в 1918 г. был подпоручиком. Бабушка моего отца Зинаида Порфирьевна Милевская, вдова иркутского купца Петра Адамовича Милевского, значилась восприемницей при крещении. На фотографии из семейного альбома, выполненной на фирменном паспорту ателье Милевского, Зинаида Порфирьевна — миловидная нарядная дама.

В фотоальбоме у папы нашла и фотографию молодых, красивых и счастливых его родителей Александры Степановны и Евгения Петровича Милевских. Мой дедушка в форме подпоручика 61-го Владимирского полка, еще не подозревавший, какой трагической будет его судьба.

Российский государственный военно-исторический архив на запрос о Евгении Милевском прислал «Послужной список Прапорщика Евгения Петровича Милевского от 1-го июля 1915 г.». Из этого документа известно, что сын иркутского фотографа, православный, учился в Киевской гимназии в 1904–1908 гг., а в 1914–1915 гг. — в Иркутской школе прапорщиков.

В семье считали, что Евгений Петрович Милевский пропал без вести в годы гражданской войны. Недавно узнала, что мой дед был расстрелян 8 декабря 1920 г. в Евпатории — по постановлению чрезвычайной тройки особого отдела ВЧК при РВС 6 й армии. Документ хранится в ЦГАООУ, №70262, в списке XXXVI числилось 122 человека.

Некоторые сведения о жизни моего прадеда мне удалось установить после обращения в Государственный архив Иркутской области. Из косвенных сведений можно сделать вывод, что Петр Адамович Милевский родился в 1845 г., а 20

декабря 1891 г. (по ст. стилю) у купца 2 й гильдии Пётра Адамовича Милевского, римско-католического вероисповедания, и его законной жены Зинаиды Порфирьевны, православной, родился сын Евгений (мой дедушка).

По данным Иркутского архива, фотограф П.А.Милевский 1 февраля 1901 г. в связи с отъездом из города объявил о распродаже своего имущества и передал архив во ВСОИРГО.

Неизвестно, куда выехал из Иркутска П.Милевский. Можно предположить — в Киев, если его сын учился там в гимназии. Как появился в Иркутске? Возможно, приехал из Томска, если известно, что он был мариинским мещанином (Мариинск — город в Томской области).

Наконец в апреле 2011 г. я получила долгожданный ответ из Томского государственного архива, в котором даются сведения из картотеки польских ссыльных, предоставленные В.А.Ханевичем. Таким образом, мне стало известно:

МИЛЕВСКИЙ Петр сын Адама. Политический ссыльный. Родился около 1846 г. (на 1865 г. — 19 лет), из дворян, уроженец Минской губернии Слуцкого уезда.

«Как добровольно явившийся из шайки, но не признанный обществом» выслан из Гродно в Сибирь. Прибыл в Томск в 1865 г. паровой партией №38, направлен на жительство в деревню Усть-Барандатскую Дмитровской волости Мариинского уезда Томской губернии, где находился на февраль 1868 года. Впоследствии имел фотографические заведения в Томске и Иркутске.

Возвращаясь к творчеству Петра Адамовича, хочу сказать, что среди фотографий П.А.Милевского можно найти портреты польских ссыльных. Вероятно, это далеко не все фотографии поляков, сделанные моим прадедом, тем не менее мне хочется показать хотя бы те, которые есть у меня:

Фаддей (Тадеуш) Юльевич РЕХНЕВСКИЙ (1862-1916).

Поляк, дворянин. В 1879 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета. Участник студенческого и революционного движения.

За участие в подготовке убийства инспектора секретной полиции подполковника Г.П.Судейкина приговорен к каторжным работам на 14 лет. Прибыл в 1886 г. на каторгу на Кару. Впоследствии срок был значительно сокращен.

На жительство вышел в 1890 г., отправлен на поселение в 1894 году. Работал на Забайкальской железной дороге.

В 1901 г. приехал в Иркутск, стал постоянным сотрудником газеты «Восточное обозрение» и готовил обзоры периодики.

За революционную деятельность в 1905–1907 гг. был арестован. Выйдя из-под ареста, уехал в Польшу и стал редактором журнала «Ведза» (Знание).

Александр Александрович КАМИНСКИЙ.

Музыкант-любитель, автор «Вальса мечты», более известного как «Вальс Каминского», написанного в Иркутске в 1900 году.

А.А.Каминский — сын политического ссыльного Александра Протовича Каминского, польского дворянина. Будучи студентом, поддержал польское восстание 1863 года. Отбыв каторгу в Нерчинске, был переведен на вечное поселение в деревню Чама Братско-Острожной волости Иркутской губернии. Женился на крестьянке Евдокии Прокопьевне Огородниковой. Служил капитаном парохода «Пермяк», затем в Управлении железодельного завода. Ему было возвращено дворянское звание.

Н.ВЕТРИНСКИЙ — ссыльный поляк. К сожалению, биографическими сведениями о нем не владею.

Литература:

Берестенёв Р.Г. Иркутская земля: Яркий почерк светописцев. Фотообразы времени. Иркутск: Анком, 2008.

Иркутская летопись 1661–1940 гг. Сост., автор предисл. и прим. Ю.П. Колмаков. Иркутск, 2003.

Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Сост. Н.В. Куликаускене. Иркутск, 1993.

ЦАРСТВО ПОДЗЕМЕЛИЙ

Гробница находится около Сартеано. В самом городе есть археологический музей с хорошей коллекцией этрусского искусства, хотя мало кто приходит ее посмотреть. Не припомню, когда я узнал об открытии гробницы и когда в первый раз увидел цветные снимки украшающих ее рисунков. Скорее всего, в самом начале моих путешествий по Тоскане. Этруски тогда лишь начинали занимать мое воображение. Я видел их произведения в музеях между Флоренцией и Римом, читал о них у Стендаля, но в любом случае это был скорее обязательный урок, нежели избранное для души занятие, которое дает ощущение встречи с тем, что в самом деле со мной говорит.

В мрачных, обычно сырых ямах, выбитых в туфе или известняке, я с трудом различал следы человеческих рук, словно бы эти ниши и углубления, скрытые в лесах или разбросанные по холмам среди диких, пахнущих летним зноем кустарников, выжженной травы и шелестящих в ней ящериц были скорее необычными произведениями природы, расщелинами, дырами в земле, пусть даже великим, интересным, но всегда немым.

Я посещал их как мрачные и пустые пещеры. Мне не сопутствовали ни тень смерти, ни, тем более, отблеск древней культуры. Возможно, всё воспринималось бы иначе, если бы я тогда поехал в Тарквинию. Ибо что может быть столь прекрасно, как вид птиц, взмывающих в полет, или собравшихся на ловле рыбаков, или зайца, убегающего от преследующих охотников, или танцоров и музыкантов, сонма диких и домашних животных, написанных живым цветом, словно бы их рисовали на залитых солнцем стенах дворцов, а не в могилах, отданных во владение потусторонним силам.

Если бы я тогда добрался до Тарквинии, то, конечно, иначе смотрел бы и на ныряльщика из Пестума, на его прыжок в бесконечность, в небытие, в смерть. А у него ведь есть кузен — юноша, ныряющий в воду, с вытянутыми в прыжке руками и ногами, летящий вниз, прямой как стрела. Незвестный этрусский художник нарисовал его на стене Гробницы охоты и рыбной ловли — возможно, самой красивой из сохранившихся до нашего времени. И я с грустью думаю, что о нем не написал Збигнев Херберт и что он не мог увидеть каменной могильной

камеры, найденной в Пестуме. Поэтому среди суровой красоты дорических колонн, несравненно им описанной, не нашлось места для веселого разговора юношей, дружески глядящих друг на друга, собравшихся для общего музицирования.

У Херберта нет ныряльщика и демонов, украшающих усыпальницу возле Сартеано. Гробницу обнаружили слишком поздно, чтобы он мог включить ее в свои повествования, сочинить колоритную предысторию, представить ее так, чтобы она стала частью нашего мира. И всё же я не перестаю думать о Херберте, когда посещаю этрусские места Тосканы. Я пользуюсь его зарисовкой, помещенной рядом с греческими историями, почти что как картой, ведущей в прошлое, в давние столетия, видимые словно бы в тумане. И нахожу в них указание смотреть на этрусков в соответствии с рассказами древних хроникеров, часто наперекор навязываемому мнению об исчезнувших в историческом вихре безоружных поэтах повседневной жизни, сосредоточенных на удовольствиях представителей мирной цивилизации, уступившей силе римского оружия. Херберт называет их великими немymi, которым не повезло в истории. Из этрусского мира до нас дошли только лишь картины пиров, охоты и танцев. Даже смерть видится безмятежной, вплетенной в бесконечный карнавал. Этрусские рисунки — словно партитура, художническая запись звуков, столько в них музыки. Нельзя противиться ощущению, что через минуту мы услышим мелодию флейты, называемой авлосом. Как пишут историки искусства, здешние флейтисты «были большими мастерами игры на этом инструменте. Они умели извлекать из него столь прекрасные звуки, что их красоте покорялись не только люди, но и звери». Этруски были потомками древнего, мифического Марсия, состязавшегося с богом и игравшего так, что птицы падали на землю, словно сраженные молнией. И, подобно Марсию, они должны были подчиниться приговору более сильных, хотя и менее утонченных соперников. Они проиграли — и, возможно, именно поэтому заняли место в наших сердцах, обычно сочувствующих несправедливо побежденным. И стали также проводниками в путешествии по потустороннему миру. Путешественниками, отправившимися в дорогу без конца, далеко за горизонт. Смерть была для них, как утверждает Д.Г. Лоуренс, «приятным продолжением жизни. Они встречали ее празднично, надев украшения, драгоценности, в воздушных хитонах, с вином и флейтами, зовущими к танцам. Это был не экстаз, а чистая радость; небо, а не мука чистилища. Смертью продолжалась жизнь в ее полноте».

Лоуренс побывал в этрусских местах только однажды. В течение недели в 1927 году он путешествовал по ним со своим другом графом Брюстером, а позже писал о них уже очень большим, удивляясь утонченности и скромности могильного искусства этрусков. В своей несколько романтической интерпретации он противопоставлял их Римской империи. «Лоуренс восхищался этрусками, — замечает Хаксли, — так как они строили храмы, которые не устояли». Остались только углубления в земле, рассеянные среди полей асфоделей, словно умышленно высаженных здесь в честь смерти. На асфоделевых лугах он чувствовал себя свободным от адских картин Лондона, который он покинул, от описанных Элиотом картин, наполненных шумом, дымом и пылью. Слова об этрусках, без страха отправляющихся в иной мир, радостно приветствующих смерть, относятся, однако, более к самому Лоуренсу и его стремлениям, чем к древним хозяевам Тосканы. Дух этрусков нисходит неожиданно и может принять любой облик — хотя бы хозяина гостиницы, отведшего Лоуренсу и Брюстеру комнаты, отделенные только тонкой перегородкой, ибо, по его словам, «ночью нельзя быть одному, мы не должны чувствовать страха».

Этрусские урны, на века оставшиеся скульптурными визитками умерших, — это отчасти повозки, обеспечивающее безопасное путешествие души. Лоуренс писал о них с неустанным восхищением, что напоминает медитации о смерти Томаса Брауна. Этот врач и философ XVII века оставил своего рода трактат о практике кремации и захоронения в урнах, написанный в связи с раскопками в Норфолке. Браун — еще и герой «Колец Сатурна» В.Г. Зебальда. А его портрет (точнее, множество портретов в разных ракурсах) открывает и закрывает галерею фигур, призываемых Зебальдом, словно бы это был его автопортрет, один из лучших: «Он пробовал смотреть на земной быт, на ближайшие к нему вещи так же, как на сферы вселенной, — из внешней перспективы; более того — глазом созидателя. Чтобы вознестись на нужную для этого высоту, он располагал лишь единственным средством — опасной летучестью языка. (...) В его распоряжении была вся его ученость, безмерный запас цитат и имена всех предшествовавших ему авторитетов, он оперирует развернутыми метафорами и аналогиями и строит лабиринтные, иногда растянутые на две страницы конструкции предложений, пышность которых напоминала шествия или похоронные процессии. Хотя и не всегда — в частности, из-за этой колоссальной перегрузки — удается ему оторваться от земли, но если уж вместе с поклажей он взмывает витками прозы все выше и выше, как планерист,

несомый токами воздуха, то даже современного читателя охватывает ощущение левитации». Из повести о Брауне Зебальд вытягивает также историю о шелкопрядах, как если бы нить, творимая этими насекомыми, безопасно вела его в неведомое. А в одной из работ Брауна имеется запись о старинном голландском обычае, предписывающем завешивать в доме умершего шелковой накидкой все зеркала, все изображения пейзажей и людей, «чтобы душу, покидающую тело, не задержало в последнем пути собственное отражение или случайный взгляд на образы навсегда оставляемой родины». Как близко это описание Зебальда к голландским запискам Херберта, к его апокрифам из «Натюрморта с удилами»...

Для многих современных писателей этруски стали едва ли не специалистами безмятежной смерти, учителями в трудном искусстве ухода. Они были не столько явлением, которое стоит описать, сколько опытом, с которым надо соотнести себя. И их искусство — вызов для нас, ибо, как писал Херберт, «урок этрусков — это урок высвобождения от эстетических предрассудков в пользу трудной для определения бескорыстной игры глаза с предметом».

Тосканский пейзаж помогает лучше понять уникальность этрусков. Даже их верования имеют свои истоки в здешней природе. Боги этрусков рождаются из борозды вспаханной земли, той самой, которая и сегодня преломляет свет в поле, открывая взору безграничность бронзового и серого. Боги этрусков напоминают о себе концертом молний. Гадание по молниям, их ритму и блеску было здешней специализацией. А у трехглавой змеи, нарисованной на стене гробницы под Сартеано, та же самая зеленовато-серая окраска и черные полосы по бокам, что и у змеи, греющейся в летний день на камне у тропинки. Еще минута — и у меня возникает впечатление, что среди этих пейзажей я увижу Харуна, этрусского демона с рыжими волосами, крючковатым носом и грозным лицом, управляющего квадригой, запряженной львами и грифонами. Это его образ запечатлен на стене гробницы, которую я осматриваю. Перед ним идет, словно в процессии, ангел тьмы, от которого осталась только ступня, аккуратно приподнимающаяся на пальцах, словно бы тело, которое на нее опиралось, и в самом деле принадлежало существу не из этого мира.

В гробницу пускают только раз в неделю, утром и вечером. Она меньше, чем я думал. Яркие, насыщенных тонов рисунки украшают только одну сторону коридора. Рисунки также в

главном зале и на сложенном из обломков алебастровом саркофаге. Вот это специальное место сразу за останками умершего отведено двум мифическим созданиям с головой коня и рыбьим хвостом. Прекрасны также дельфины, размещенные в украшающем целое бордюре, идущем понизу, напоминающие фрески из дворцов Крита. Сразу за Харуном — пара мужчин, почти как в пестумской камере, дерзко пирующих в отблесках смерти. Неизвестно, пара ли это любовников или отец с сыном, погруженные в разговор об уходе. Возле них почти полностью стертая фигура слуги с сосудом для процеживания вина. В гробнице можно находиться только минуту, но этого достаточно, чтобы осознать необычайность этого места, открытого недавно, словно специально к моему прибытию. Если бы не сила фресок, живость рисунка, подбор цветов, среди которых ярко-красный, и почти золотистый желтый, и немного особо ценимого этрусками голубого, если бы не сила созданных изображений, гробница была бы для меня совершенно немой. Этрусские рисунки — вот что дает полет воображению.

За выходом, уже на лужайке, исчерченной бороздами, обозначающими вход в другие подземные помещения, открывается вид на обширную долину. Взгляд снова может радоваться богатству пространства, как если бы Харун вывел нас к свету, к картинам, на которые мы теперь смотрим из перспективы потустороннего.

Я усаживаюсь на деревянную скамейку и в полной тишине гляжу на открытый взгляду пейзаж. И возвращаюсь к замечаниям Ивашкевича о его поездках в Италию: «Находиться среди такой красоты, как здесь, причем безо всякого дела, даже без каких-либо разговоров, — это постепенно очищает психику от накопившегося мусора. (...) Слои грязи медленно сходят с души, но одновременно из глубины возникают очень интенсивные, давно засыпанные песком времени воспоминания. И под малейшим предлогом всплывают целые миры».

ПОЛЬСКИЙ ДВУХТОМНИК О ТАРТУСКО-МОСКОВСКОЙ ШКОЛЕ СЕМИОТИКИ

Две книги Богуслава Жилко, хоть они и вышли в разных издательствах и в разном оформлении, представляют собой единое целое, позволяя польскому читателю — не только специалисту-гуманитария, но и всякому, кто заинтересован вопросами семиотики как таковой, а также культурологии, истории и теории литературы и искусства и т.п., — глубоко ознакомиться с достижениями ученых, сплотившихся некогда вокруг Юрия Лотмана. Первая книга называется «Семиотика культуры. Тартуско-московская школа», вторая — «Культура и знаки. Прикладная семиотика в тартуско-московской школе». Таким образом перед нами первый том, посвященный истории самой школы (примерно треть книги) и ее теоретическим наработкам, «основным принципам и понятиям» (более обширная вторая часть), и второй, рассказывающий о практике этого круга семиотиков. Своеобразным предисловием ко второму тому можно считать главу из первой, исторической части первого — «Единство в разнородности». Автор здесь пишет:

«...семиотиков соединял общий подход, некоторое сближенное понимание науки в условиях тоталитарного государства. В отличие от формалистов, которых объединяла отчетливая доктрина (...) семиотики не выступили с самого начала с идеей, направляющей дальнейшее развитие, с текстом, содержащим in pace дальнейшую программу. (...) В этом были свои хорошие стороны: благодаря отсутствию жесткой доктрины ученые разных профессиональных специальностей, с разными исследовательскими темпераментами, характерами, мировоззрениями могли встречаться и образовывать солидарную группу.

(...) Методологические и теоретические установки возникающей школы (выраженное во вступлении к сборнику докладов московского симпозиума 1962 г. убеждение, что семиотика в отношении гуманитарных наук может исполнять ту же роль, что математика в отношении естествознания), тоже были достаточно широки и гибки, чтобы уберечь школу от

сектантства, от стремления соблюсти ее «чистоту», от упреков в «уклонах», «отщепенстве», от фракционной борьбы и т.п.».

Свежевышедший второй том подтверждает слова о широте и гибкости семиотической школы. В четырех частях книги: «Семиотика искусства», «Семиотика истории», «Семиотика города» и «Семиотика религии» — рассмотрены как конкретные тематические круги исследований, так и конкретные труды участников тартуско-московской школы в рамках этой тематики. Настолько не одинаковых, что часть «Семиотика истории» начинается главами «Подход Бориса Успенского» и «Подход Юрия Лотмана» — при том, что, как известно, немалое число работ было написано Ю.Лотманом и Б.Успенским в соавторстве. Не одинаковых, но, как верно замечает автор, солидарных.

Польскому читателю представлена богатая панорама научных трудов, ушедших далеко вперед от первоначального (плодотворного, но не исчерпывающего) стремления превратить гуманитарную науку в точную. В библиографии он найдет отсылки не только к оригиналам, но и к многочисленным польским переводам этих трудов (и в числе переводчиков ему не раз встретится имя автора книги).

Мне кажется, что по-русски аналогичной — прежде всего по оригинальному построению — монографии о тартуско-московской школе еще не было. Замечательные «Лотмановские сборники» в основном посвящены статьям и воспоминаниям — читателю самому оставлена попытка нарисовать общую картину. Может быть, имело бы смысл перевести двухтомник Богуслава Жилко на русский язык?

*

Bogusław Żyłko. Semiotyka kultury. Szkoła tartusko-moskiewska. [Gdańsk]: słowo/obraz terytoria, [2009].

Bogusław Żyłko. Kultura i znaki. Semiotyka stosowana w szkole tartusko-moskiewskiej. Gdańsk: Wyd. Gdańskiego uniwersytetu, 2011.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Как гласит один из афоризмов Станислава Ежи Леца, «окно в мир можно занавесить газетой». Правда, всё зависит от того, что за газета. Я должен читать, а если не читать, то во всяком случае просматривать как можно больше названий, что, надо сказать, иногда вызывает опасения моих попутчиков в поезде, наблюдающих, как я после «Газеты выборчей» вытягиваю «Наш дзенник», а затем поочередно еженедельники «Не», «Политика», «Впрост» и «Уважаю Же». Но, впрочем, и сами газеты меняются: нынче наблюдается оживленное передвижение на постах главных редакторов, что подчас приносит самые удивительные плоды. Читая в последние недели «Плюс-Минус» — субботнее приложение к «Жечпосполитой», которая недавно сменила своего шефа, — я обнаружил, что это издание в массивной серии статей по-прежнему выявляет очередные угрозы для Польши и Европы. Две недели назад несколько текстов было посвящено опасности, которую являет нынешняя политика Германии, а неделю назад ряд публикаций разоблачал коварные происки феминисток — в частности, что в польских университетах все больше gender studies. Затем очередная серия статей раскрыла пагубные последствия ширящихся в Польше антиклерикальных настроений. Очевидно, было решено разъяснить, чего нам следует бояться и в какой страшной опасности все мы оказались. Вот я и боюсь.

Но последнее субботнее издание «Жечпосполитой» (2012, №59) приносит, наряду с описанием «войны с Церковью», материал, особенно для меня интересный, дающий понять, как один из ведущих интеллектуалов польского правого лагеря видит Россию, а именно: интервью с историком, главным редактором выходящего в Кракове раз в два месяца журнала «Аркана», профессором Ягеллонского университета Анджеем Новаком. Беседа озаглавлена «У русских тоже есть душа» (цитата из стихотворения Юлиуша Словацкого) и посвящена положению в России после последних президентских выборов. Комментируя их результат, Новак говорит, что Путин оказался в затруднительной ситуации:

«Я полагаю, что он не продержится два срока. Пусть состояние его здоровья не вызывает опасений и по собственному желанию он не захочет уходить, но его могут к этому склонить. (...) Если кто-то хочет понять ситуацию в России, то нельзя избежать слова «службы». Стивен Уайт из университета в Глазго изучил биографии тысячи наиболее влиятельных персон в России в 2004–2006 гг. Это были министры, члены Думы и важнейшие чиновники. Так вот 70% из них были функционерами специальных служб. (...) Подчеркну, что мы говорим не о секретных сотрудниках, ибо их число неведомо, а о штатных работниках! Другой такой элиты в мире нет, из этого должно что-то следовать. (...) Я назову еще цифру: за десять лет прибавилось 300 тысяч сотрудников ФСБ, — чтобы показать чудовищно мощный хребет этой власти, который не удастся сломить исключительно снаружи. (...) Это не роботы, а люди: иногда они завидуют более богатым, иногда ненавидят начальников, хотят продвинуться на первое место. Там есть люди, которые завидуют не только власти Путина, но и его состоянию в 130 миллиардов долларов. (...) Они тоже считают, что если Путин должен править два срока, т.е. 12 лет, то они не дождутся нового дележа пирога. То есть «и там есть душа». (...) Я не исключаю внутренних расколов. Не низов — верхушки! Вот этой обойденной верхушки, которая не хочет ждать. (...) Они уже достаточно кланялись Путину и пока сидят тихонько, но общественные протесты создают им шанс нанести ему удар. (...) Когда Медведев объявил, что возвращается Путин, а он сам гарантированно становится премьером и что всё это было изначально решено, люди почувствовали себя обманутыми. (...) Дело не только в фальсификациях на парламентских выборах, а в обманутой надежде. Естественно, не все так думают, но вот либерально настроенная молодежь, образованные люди из больших городов действительно верили в перемены, имели надежду на альтернативу в фигуре Медведева».

Пробуя очертить перспективу, Новак характеризует вызовы, стоящие перед властями:

«Они должны будут отозваться на подлинные потребности России и решить ее проблемы, которых не решает Путин. Прежде всего, должны будут модернизировать Россию. (...) Я думаю, что всё решит первый срок Путина, ибо он столкнется с огромными проблемами. (...) Не думаю, чтобы России грозил экономический крах. У нее огромные ресурсы всего — это не только газ или нефть, но прежде всего важнейшее сырье XXI века, то есть вода, которой в России больше, чем где-либо в Евразии. Когда Путин пришел во власть, население сокращалось на 700 тысяч в год; сейчас, несмотря на дорогостоящую

демографическую политику и многочисленные бонусы за рождение детей, оно все еще сокращается на 400 тысяч в год. Отчаянные действия Путина не имеют шансов на успех, ибо в России мало женщин детородного возраста и они должны были бы рожать в темпе нигериек. Кроме того, «белые» русские женщины не рожают детей, а «черные», то есть кавказцы и южане, — рожают. Напряжения на почве столкновения российской и мусульманской культуры будут расти. А шовинизм самого скверного толка не способствует стабильности власти».

Путин, по мнению Новака, устоит, «если ему удастся навязать свою волю Европе и русифицировать ее. Конечно, мы говорим не о буквальной русификации, а о навязывании российской политической культуры, т.е. культуры империй XIX века. Путин обращается к временам, когда канцлер Горчаков вместе с канцлером Бисмарком вершили судьбы пастухов на Балканах и полячишек в Царстве Польском. Если Европа откажется от языка прав человека и свободы слова, а сконцентрируется только на экономической выгоде, то Путин сможет сказать своим либералам: «У вас нет альтернативы, Европа пляшет под мою дудку, ибо это единственный реалистический способ управления миром. Так что бросьте свои фантазии о свободе». (...) Я свои надежды на изменение системы в России связываю с тем, что Европа останется для России альтернативой. И поэтому меня огорчает, что на встречах в верхах между Евросоюзом и Россией уже три года как исчезла тема прав человека. Это что-то значит. (...) Внушает оптимизм, что, как оказалось, русские в самом деле ценят свободу. (...) Уже не так обстоят дела, что единственная Россия — это Россия Путина. Есть и пока слабая, но существующая Россия свободных людей. Кто-то скажет: это горстка. Хорошо, но полгода назад ее вообще не было видно. Сегодня уже нельзя спорить, что есть другая Россия. Поэтому тем более следует оценить смелость тех, кто это продемонстрировал. Россия всегда колебалась между двумя моделями: Москвы и Новгорода, — то есть между моделью самодержавной и республиканско-купеческой. У них есть чем торговать, и вопрос вот в чем: считают ли они, что для эффективности этой торговли, чтобы она их всё более обогащала, нужно ограничить самодержавие? Последнее десятилетие — это перевес самодержавия, потому что русские хотели продержаться. У меня есть впечатление, что это постепенно заканчивается и синусоида начинает потихоньку склоняться книзу. Возвращается убеждение, что необходимо изменить условия функционирования рынка в России, открыть свободу мысли. Это всё может произойти, если модель свободного рынка и свободной мысли выстоит на Западе».

Предположения, касающиеся существования «другой России», в Польше не новость. Недавно Тадеуш Сухарский опубликовал труд «Польские поиски “другой России”», в котором рассматриваются посвященные России работы Юзефа Чапского, Густава Герлинга-Грудзинского, Чеслава Милоша и других, прежде всего из круга парижской «Культуры», писателей послевоенной эмиграции. Если же говорить о традициях Новгорода, то необычайно интересную, великолепно документированную книгу «Атлантида так недалеко» посвятил им Стефан Братковский. Сейчас «другую Россию» представляют в польской публицистике направленные против Путина демонстранты в Москве, Петербурге или Екатеринбурге. Так видит дело Михал Кацевич в напечатанной на страницах «Ньюсуик-Польша» (2012, №11) статье «Здесь будет революция»:

«В Москве не было бы более чем десятитысячных демонстраций без новых медиа. Не было бы недовольных избирательными манипуляциями и очередным сроком Путина. Ибо не прокисшая оппозиция выводила людей на улицы. Это сделали независимые медиа интернета. (...) Новые медиа не контролируются властями и не нудят сермяжной пропагандой. Телевидение «Дождь» существовало сначала преимущественно в сети. Теперь оно доступно и по кабелю, и через спутник. (...) Портал мнений и блогов «Слон» первоначально занимался в основном экономикой. Сейчас он публикует всё больше неблагоприятной для властей общественной аналитики, злободневные комментарии публицистов, выявляет коррупцию. (...) Многие москвичи просто выкинули телевизоры. Не смотреть телевизор и не читать газеты вообще стало модным. (...) Канал НТВ, который во времена Бориса Ельцина был одним из лучших в Восточной Европе и определял каноны профессионализма, а сегодня стал пропагандистским рупором Кремля, показывает brutальные полицейские сериалы, а его зрители — преимущественно пенсионеры и малообразованные люди. (...) Телевидение «Дождь» стало феноменом. Неизвестно, какова его аудитория, потому что принадлежащая пропутинскому олигарху исследовательская фирма все время избегает рассматривать информационный рынок с учетом этой станции. Создатели «Дождя» полагают, что их аудитория может достигать 30 млн. семей. Пусть это и оптимистическое преувеличение, но в любом случае они достигли большого успеха. Удалось создать информационно-публицистический канал, полностью независимый от властей и удерживающийся на трудном рынке (в нынешнем году, после двух лет инвестиций, телевидение, благодаря рекламе, стало зарабатывать). О программах

«Дождя» говорят в кафе, их модно смотреть на планшете, потому что так они всегда доступны вживую. (...) Современные независимые медиа — это не какая-то бумажонка или известный из советских времен самиздат. Их создатели часто профессиональнее своих правительственных конкурентов. (...) В Кремле пока умудряются не замечать опасности. Впрочем, портал «Слон» пережил во время декабрьских выборов в Думу атаку хакеров. Редакция «Дождя» уже несколько раз слышала угрозы. (...) Но пока что никто еще не разрушил оазис независимости на Болотном острове. Возможно, беда придет с другой стороны. В Москве снова говорят, что какой-то миллиардер хочет купить «Красный Октябрь» и построить роскошный жилой район. Независимые журналисты должны будут тогда найти новый оазис. Только вот никакого другого места не будет иметь атмосферы фабрики, пахнущей шоколадом».

Автор, конечно, информировал польских читателей, что «Красный Октябрь» — это переименованная большевиками старинная шоколадная фабрика, расположенная на Болотном острове, которую и правда можно разрушить, но — об этом в статье речь не идет — можно и сохранить как памятник промышленной архитектуры XIX века, как это делают с подобными объектами, например, в Берлине.

Я сообщаю обо всем этом, чтобы показать: независимо от реалий текущей политики, как европейской, так и московской, можно в польских писаниях о России обнаружить тон надежды на создание области понимания и сотрудничества, полезной для обеих сторон. И это — в стране, где большинство семей познало обиды либо непосредственно от русских властей, либо от российских наместников, — свидетельствует об определенном, не лишенном оснований идеализме. Но всё-таки преобладает пессимистический тон, характерный, например, для статьи «Война поста с карнавалом» Анджея Заухи в еженедельнике «Впрост» (2012, №10):

«Такого карнавала политической свободы, как в последние три месяца, Россия долгие годы не видела. Многотысячные демонстрации на улицах, почти полная свобода слова. Оппозицию можно было видеть даже по телевидению, хотя и без знаменитого лидера Алексея Навального — его по-прежнему нельзя показывать. Казалось, что революция почти победила, режим Путина увядает, довольно его толкнуть — и прекратит существовать. А Россия станет обычной демократической страной. Лидеры оппозиции быстро стали суперзвездами заграничных масс-медиа, но оказалось, что эти

люди в состоянии только организовать очередную манифестацию, уличный марш или даже хеппенинг (...). В политической борьбе они пока уступают профессионалам из Кремля. (...) По оценкам специалистов, необходим год существования полностью свободных медиа и деятельности оппозиционных партий, чтобы положение начало исправляться. Только вот Путин и его люди, конечно, не создадут оппозиции идеальных условий развития. (...) Проблема в том, что Путин, известный приверженностью жесткому стилю правления, не сможет закручивать гайки бесконечно. Власти пробуют надеть намордник и на интернет, но вот это как раз будет трудно». Замечу, однако, что «трудно» еще не значит «невозможно».

Я читаю все эти более или менее серьезные, а иногда и наивные рассуждения (дескать, польско-российский опыт обеспечивает нам лучшее понимание России, чем у ее западных партнеров) и радуюсь хотя бы тому, что многое, казавшееся невозможным в наших взаимных отношениях еще четверть века назад, сегодня возможно, хотя одновременно знаю, что история не стоит на месте — иногда перемалывает мир медленнее, иногда ускоряется, но никогда не останавливается. Фоном для этого чтения для меня сегодня оказались два только что вышедших увесистых тома переписки Ежи Гедройца с Чеславом Милошем (издание будет продолжено), в которых вопрос отношения поляков к России — один из принципиальных и постоянно присутствующих сюжетов. Корреспонденты резко спорили. Гедройц считал, что поляки в состоянии активно влиять на возможность перемен в России. Милош отвечал ему в 1961 году:

«По моему убеждению, намерения поляков воздействовать на Россию — это абсолютная иллюзия. Абсолютная иллюзия, если понимать эти намерения как таковые, то есть, яснее сказать, как акцию, состоящую из различных мероприятий. В то же время Польша как культурный комплекс может иметь воздействие на Россию, но далеко не сразу. (...) Я также считаю ошибкой русский номер «Культуры», в том числе с точки зрения польских интересов на Западе: мы не должны заниматься тем, чтобы ранить русских в их национальных чувствах».

Впрочем, нет никаких признаков, по которым можно бы судить, что Гедройц намеревался ранить русские чувства: ему было важнее показать Польшу, ее культуру, в том числе политическую культуру, а в данном случае — те ее течения, разные по сути, которые касаются польско-русских дел.

«ОСКАР», ТО ЕСТЬ СВОБОДА

— «Номинация», выдвижение на «Оскара» — это и есть тот самый момент, когда следует поздравлять?

— Выдвижение на премию «Оскар» — это чудесно. Я очень доволен. Но чем старше становится человек, тем менее важными для него становятся некоторые вещи. Начинаешь думать о семье, о детях.

— Дело в возрасте или в том, что у вас на полке уже стоят два «Оскара»?

— Пожалуй, и то и другое. Уже есть некоторый опыт, что-то уже пережито в связи с премиями. Так что понимаешь их значение. А с возрастом начинаешь осознавать, что в жизни есть и что-то другое, кроме работы и карьеры.

— Каково значение премии «Оскар» с вашей точки зрения — как человека опытного?

— Радует, что коллеги по профессии заметили твою работу. Для меня премии — это прежде всего творческая свобода. Получив «Оскара», можно уже не бояться, понравится или нет твоя работа. Человек начинает сознавать, что он хорошо делает свою работу. Это дает свободу в работе над очередными фильмами.

— Эта свобода пришла с первым «Оскаром»?

— Первый «Оскар» стал для меня шоком. Я был очень молод, мне было 33 года. Я поверить не мог в то, что случилось. Наивный, я не до конца понимал значение «Оскара». Получив второго «Оскара», я понял, что речь идет именно о свободе.

— Тот первый «Оскар» изменил вашу жизнь?

— Я получил его за операторскую работу на фильме «Список Шиндлера», который стал классикой американского кино. Его считают одним из лучших фильмов за последние 20 лет. Он открыл передо мной очень многие двери. Я вдруг начал зарабатывать кучу денег и смог начать жить совершенно по-другому. Деньги всегда меня мало заботили. Я приехал в Америку молодым человеком. Если у человека есть желание много зарабатывать, то он не пойдет в киношколу: после ее окончания ты становишься безработным и пытаешься как-то выжить. Я страстно любил искусство и верил в возможность

многое выразить с его помощью, используя камеру, свет, композицию. В 80-е годы я зарабатывал по 600 долларов в неделю и был счастлив, и жизнь для меня была прекрасна и интересна. Так что деньги для меня никогда не имели решающего значения.

— Выдвижение на премию «Оскар» этого года за кинофильм «Боевой конь» что-то для вас изменит?

— Ничего не изменит. Я всё время в работе. Хуже всего, если человек перестает работать в ожидании выдвижения, а его не выдвигают. Я же постоянно работаю и выдвижения не ожидал. Это не значит, что я думал, будто моя работа в этом фильме недостаточно хороша. Она была превосходной. Но в данный момент я монтирую фильм о Лос-Анджелесе и думаю совсем о другом. Поэтому, когда утром зазвонил телефон, я был в ярости, что кто-то пытается прервать мою работу. А телефон всё звонил и звонил. Я не брал трубку. А потом начали приходить эсэмэски. Это знакомые поздравляли меня с выдвижением.

— Когда приходит ощущение праздника? В день выдвижения или в день вручения премии?

— Для нас, кинематографистов, выдвижение — это самое главное событие в году. Для тех, кого выдвигают впервые, это настоящий праздник, великий день. Их труд оказался кем-то замечен. Выдвижение важно не меньше, чем сами премии.

— Как это происходит? Вы ведь член Академии. Вам необходимо просмотреть все фильмы и выбрать те, что будут выбраны и на выдвижение и на премию?

— Да, это моя обязанность. Академия ежедневно организует просмотры кинофильмов во многих местах в Лос-Анджелесе. Можно поехать и посмотреть фильм. А еще мы получаем от продюсеров фильмы на DVD. Есть еще премия «Золотой глобус» и другие. С них и начинается формирование мнения членов Академии.

— Создает ли такая система более или менее равные шансы для всех?

— Нет. Например, кинофильм «Расставания», конкурент фильма Агнешки Холланд, был показан в нескольких американских кинотеатрах. Я надеюсь, что члены Академии взяли на себя труд посмотреть эти фильмы. Тогда был бы шанс, что окончательный выбор окажется честным. Но может быть и

так, что они видели лишь два фильма из пяти выдвинутых и только на этом основании заполнили анкеты.

— *Каковы шансы у кинофильма Агнешки Холланд, как вы думаете?*

— Выбор будет сделан между ее фильмом и «Расставаниями».

— *А каковы шансы у вашего фильма?*

— Я думаю, что есть большой шанс побороться за премию «Оскар» за лучший фильм. Но этот фильм адресован юным зрителям, так что может оказаться, что тематика других фильмов найдет бóльший отклик у членов Академии.

— *Гала-представление по случаю вручения премий «Оскар» — это только шоу или переживания тоже?*

— Разумеется, это сильнейшие переживания. То, что видишь по телевидению, вполне правдиво. Люди реагируют эмоционально. Радуются, плачут, и это не искусственные эмоции.

— *А какие-то особые воспоминания у вас остались об этих гала-представлениях?*

— Когда я впервые получил «Оскара», я еще был курящим. Получив статуэтку, я вышел из зала и вытащил сигарету. Охранник посмотрел на меня и, увидев золотого «Оскара», сказал: «Теперь тебе здесь курить можно». Это было здорово. Даже охранник может ради тебя нарушить правила, если ты получил «Оскара».

— *Где находятся ваши два «Оскара»?*

— Дома, стоят на полке.

— *Вы их поглаживаете время от времени?*

— Не преувеличивайте. Конечно, это некий символ, но я каждый день с них пыль не стираю.

— *Десять лет тому назад вы сказали в интервью, что не будете делать фильмы на цифровом носителе и вообще относитесь к ним без особого пиетета. Многое изменилось, правда?*

— Изменилась технология. Десять лет — срок очень долгий. Теперь применяется такая технология, что при просмотре фильма не поймешь, сделан он на цифре или на аналоговом носителе. Меняется эстетика. Я знаю, что и мне придется вскоре делать фильм на цифре, ведь «Кодак» обанкротился.

Фирму «Фудзи», по всей вероятности, ждет та же судьба. То есть киноленты больше не будет.

— *Чем живет Голливуд сегодня?*

— Разумеется, распределением «Оскаров» и президентскими выборами. Голливуд — это либеральная среда. Я думаю, что Обама опять станет президентом. Но мы смотрим, кто станет его конкурентом — Ромни или Гингрич. Себя мы видим как сторонников демократической партии. Голливуд всегда был за демократов.

— *Есть ли в мире человек, о котором вам бы хотелось снять фильм?*

— Я хотел бы снять фильм о Тэде Качинском, знаменитом Юнабомбере. О человеке, который на протяжении 17 лет, протестуя против технического прогресса, выслал письма с бомбами нескольким десяткам человек. Трое из них погибли. Оказалось, что этот человек был гением. В юности, когда он проходил серию психологических тестов, была нарушена его психика. Он стал частью эксперимента, что оказалось решающим фактором в его жизни.

— *А в Польше вы не хотели бы снимать фильмы?*

— Я снял один фильм в Польше. Киногруппа была превосходная. В Польше прекрасные пейзажи. Прекрасные возможности для того, чтобы снимать фильмы. Но я живу здесь, в Калифорнии. И интересуюсь тем, что происходит здесь. Я живу в Америке и снимаю фильмы об Америке.

— *Если польские пленэры столь прекрасны, почему же американские кинематографисты их так редко используют?*

— Причина очень простая. У чехов, например, есть закон о возврате налогов. Если Голливуд потратит один доллар, то 25 центов ему возвращаются. Поэтому кинематографисты ездят в Румынию, в Венгрию. Если в Польше появится что-либо подобное, то они и сюда приедут. У Станислава Тычинского есть прекрасная студия под Краковом, так что база есть, киногруппы есть, страна прекрасная. Но Голливуд будет ездить туда, где может получить льготы. Если будут льготы в Афганистане, то мы будем делать фильмы в Афганистане.

— *Самое главное в этом бизнесе — деньги.*

— Мы не можем снимать фильмы без денег. Самое главное — повествование, но даже если у тебя есть прекрасное

повествование, ты должен найти деньги. Ты же не художник, который берет мольберт и пишет картину. Производство кинофильма — это сложнейшая операция. Некоторые фильмы стоят 100 млн. долларов.

— Вас выдвинули на «Оскара» за фильм, сделанный опять вместе со Стивеном Спилбергом. После стольких лет сотрудничества вы, видимо, понимаете друг друга без слов?

— Я думаю, что, проработав вместе столько лет, мы понимаем друг друга именно так. Мы знаем сильные стороны и слабости друг друга.

Беседу вел Томаш Махала

*

Януш Каминский — польский кинооператор, работающий в Голливуде. Дважды награжден премией «Оскар» — за работу кинооператора на фильмах «Список Шиндлера» (1994) и «Спасти рядового Райана» (1999). Выдвигался на премию «Оскар» за фильмы «Амистад» (1998), «Скафандр и бабочка» (2008) и «Боевой конь» (2012).